

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК **XX** И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

ЧАС НЕУВЕРЕННОСТИ

Люди прежние — власть другая

МИР В НОВЫХ БЕРЕГАХ

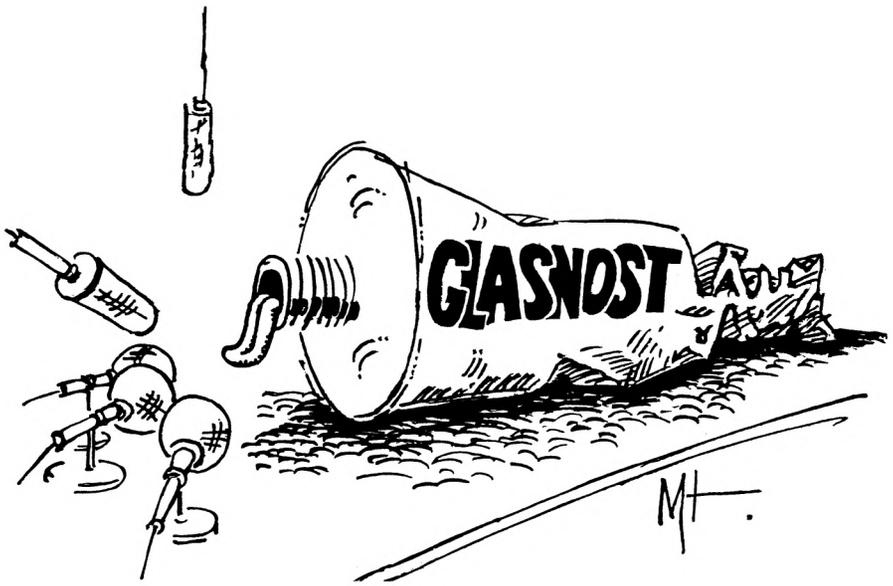
Философы о будущем мироустройстве

ЧТО БЫЛО? ЧТО БУДЕТ?

Политики между былым и грядущим

ISSN 0320 8001

9/90

В НОМЕРЕ:

<u>Почта</u>	
«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»	2
<u>Актуальная тема</u>	
А. АДАМОВИЧ. ЛИЦОМ К АПОКАЛИПСИСУ	7
<u>Беседы в редакции</u>	
Д. ДРАГУНСКИЙ — М. МАЛИА. УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ	15
<u>Философия мира</u>	
К. ЯСПЕРС. БУДУЩИЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК	20
В. МИКУШЕВИЧ. МЕЧТА О ЕВРОПЕ	25
<u>Наши публикации</u>	
М. ГЕФТЕР. В ПРЕДЧУВСТВИИ ПРОШЛОГО	29
<u>Что было, то было</u>	
А. АВТОРХАНОВ. «ИДЕЯ, ВО ИМЯ КОТОРОЙ И СМЕРТЬ КРАСНА»	37
<u>Научная публицистика</u>	
Г. КУЛЬЧИНСКИЙ. БЕЗЪЯЗЫКАЯ ГЛАСНОСТЬ	44

На 2-й странице обложки: «Гласность».

Рисунок Николая МОЛЧАНОВА.

На 3-й странице: «За консолидацию!» Фотомонтаж Игоря СМИРНОВА.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

«Уважаемая редакция...»

Меры принимаются

Мы на бомбе сидим. Заряд в бомбе атомный. Бомба называется «дружба народов». Заряд — национальный вопрос.

Осознание национального вопроса, то бишь заряда, придает нашей голодной скучной повседневности приключенческий азарт. Мы как бы существуем внутри вестерна: мужчины чувствуют себя убитыми, женщины изнасилованными, дети брошенными, а все сообщца — изгнанниками.

Россия бежала сколько помнит себя: от татар, поляков, крепостного права, голода, болезней, немцев... Главное — от самой себя. Так убегают куры от обезглавленного петуха, случайно вырвавшегося из палаческих пальцев. Он, петух, еще трепетен и потому страшен. Но уже мертв.

...И мы плывем на огромном дырявом плоту, именуемом Союзом Советских Социалистических Республик. Плывем, сторожа друг друга, как некогда ветхий испанский гранд стерег сомнительные прелести своей супруги и куда более сомнительную честь дочери. А те, сами понимаете, жадно разглядывали сквозь оконные жалюзи фланирующих на улице молодых распутных кабальеро.

Нынче роль юных повес исполняют Народные фронты. Коммунисты выступают в непривычной для себя и потому смешной роли грандов, хрупких и нелепых, как и их титулы: партия — ум, честь и совесть нашей эпохи.

Не отмыть эту эпоху, как черного кобеля. Да и самим не отмыться. Все мы замараны: кто бездействием, кто содействием, кто извлечением выгоды... Последних, впрочем, большинство.

В той мере, в какой партия озабочена сохранением социализма, в той же — правительство озабочено сохранением партии.

Когда стреляют — особенно.

Войска возжигают защитные костры и возводят надежные редуты — не там, откуда доносятся крики жертв, а где возможна угроза зданию обкома. Разумеется, в подобной заботе правительства, кроме прочего, заложена известная культуртрегерская миссия, поскольку обкомовские особняки украшают город. Нанеси им вред, и совершенно исчезнут памятники прошлой и нынешней архитектурной мысли.

Пока обком не взят, он существует!

...Итак, положение нормализуется. Раненых уносят. Убитых ищут. Меры принимаются. Катастрофа нас застанет, но не врасплох. Войскам поручено оберегать не только обком, но и торговые точки: ведь выжившие приползут с талонами на мыло. Мыла нет, но важно, чтобы не было также и спекуляции. Кто знает, не воспользуются ли живые талонами умерших?

Сдайте оружие и чужие талоны! Отчитайтесь за сделанное. И пользуйтесь свободой за недостатком улик.

Стой, ребята, — куда? В ФРГ! А вы? В Штаты! А вы? На оккупированные палестинские земли! А вы? А мы остаемся с тобою, навеки родная земля. Не нужен нам берег турецкий, чужая страна не нужна.

Спаси и помилуй оставшихся. Аминь!

Борис ИОСЕЛЕВИЧ,
г. Львов.

Живая черепаха

В ряде публикаций «Века» (скажем, в полемических заметках «Воскресающая Россия» Николая Шульгина, 12/89, или в статье Р. Голоудина «Мир переделывать нельзя», 2/90) авторы предлагают совершить большой скачок с помощью иностранцев. Наши «частники», оказывается, — это какие-то ужасные людоеды по сравнению с «цивилизованными предпринимателями, которые быстренько интегрируют нашу страну в мировую экономику, и, торжественно передав ключи от готового социализма шведского или голландского варианта, с чувством глубокого удовлетворения уходят в свое зарубежье.

Сколько уже их было, теорий быстрого перехода. Результаты вот они, налицо. Но никто даже мысли не допускает, что можно отдать собственность своим нецивилизованным «частникам». Как же, все сразу закричат о потере основного завоевания социализма, будто что-то действительно было завоевано. Получив собственность, за которую в 1917 году шел на смерть наш одуроченный народ, иностранные предприниматели будут как можно дольше держать его в этом одуроченном состоянии. Если сравнить зарплаты нашего и их рабочего, то, говоря словами Маркса, нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист ради прибыли. Примером тому служат колонии, до уровня которых, согласно статистике, скатилась наша страна.

Такое положение, оказывается, соответствует нашим национальным интересам. Наши бюрократы легче уживутся с опытными зарубежными «акулами», чем с родным «купцом-мироедом». Они и так давно уже неплохо с ними уживаются, распродавая направо и налево нефть, лес, руду, красную рыбу и т. д. за тряпки, игрушки, хлеб, кроссовки и т. п. Импортная техника (извиняющая эти операции) выбрасывается в итоге на свалки.

Печально, что Михаил Горбачев придерживается такого же мнения. На встрече с американскими конгрессменами во время визита в США он заявил, что наши люди, дескать, с рынком не знакомы, не знают, что это такое, так вы уж подключайтесь, помогите нам.

Полагаю все же, что главное — не иностранный опыт, а свободный, абсолютно свободный труд, абсолютная свобода личного творчества и абсолютная свобода частного предпринимательства народа, в том числе и свобода выбора партнеров. Только при таких условиях раскроется весь его потенциал и начнется эпоха великого Возрождения России.

По Р. Голоудину нам нужно принять ту модель общественного устройства, которая выработалась путем саморазвития, прошла проверку временем и доказала свою эффективность. Наиболее характерными чертами этой самоорганизовавшейся (но чужой) модели являются рыночная экономика, демократия, многопартийность, парламентская форма правления, суд присяжных, безработица.

Но может ли наша система, сконструированная хотя бы и гениальным конструктором, эволюционировать наравне с живыми самоорганизующимися системами? Ведь «они», там на Западе, и не подозревают, что живут при «капитализме», что их экономика стала «рыночной», и не ставили себе специально целью многопартийность и парламент.

Сейчас наша механическая игрушка осмотрелась и увидела, что у других в процессе эволюции выросли лапки и они бодро убежали вперед. Даже идеально сконструированная машина может быть лишь жизнеподобной, но не живой, и, чтобы она не отставала от живых систем, в ней надо постоянно что-то переставлять, переключать, переключать, переключать. И все давно из-за ограниченности связей,

из-за низкого КПД ее дни в соревновании с живыми системами сочтены. Авторам новых концепций кажется, что стоит только придумать нашей системе такие же лапки, как она догонит и сравняется с живыми. А когда снова ничего не получится, обвинят тех, для кого старались: чего, мол, им еще надо — дали рынок, многопартийность, парламент, а они снова еле ползут по сравнению с другими. Все дело в том, что пока мы учимся ходить на приделанных лапках, у них уже могут вырасти крылья. Они уже могут уйти на позиции альтруистического эгоизма (проще — коммунизма) и бесплатно трудиться, с радостью делясь друг с другом продуктами своего труда. И как дико тогда будут выглядеть наши рыночные от-

ношения на этом фоне. Так же дико, как сейчас выглядит наш социалистический план по сравнению с рынком.

В нашем механизме (как подходит это слово!) еще живы самосозидательные силы, те, которые всегда мешали плановым, идеологическим и другим государственным механическим структурам. Их высвобождению и стимулированию и надо отдавать все силы. Пусть мы окажемся черепахой в этом сообществе живых организмов, но черепахой живой.

Но что-то мне даже в это не верится — конструкторы системы этого не допустят, поскольку в них самих упадет всякая нужда.

А. ВЕРШИННИН,
г. Благовещенск Амурской обл.

Стабилизация, либерализация или..?

Переход от командной к рыночной экономике требует решения двух задач. Первая — макроэкономическая стабилизация. Это установление равновесия на рынке и стабилизация роста цен. Вторая — либерализация экономики — заключается в изменении структуры собственности, то есть в приватизации и формировании институтов рыночной экономики.

Программа стабилизации экономики включает:

1. Освобождение существенной части цен и повышение цен, на которые сохраняется государственный контроль.

2. Ограничение роста доходов.

3. Жесткую финансовую политику (резкое сокращение расходов бюджета, ликвидацию дотаций, сокращение инвестиций).

4. Жесткую кредитную политику и ограничение денежной массы (резкое повышение процентных ставок и сокращение объема выдаваемых кредитов).

5. Внутреннюю конвертируемость национальной валюты на основе существенной ее девальвации при акти-

вной валютной политике национального банка; замену всех видов лицензирования таможенными пошлинами.

6. Комплекс антимонопольных мероприятий (ликвидацию монополистических структур административным путем, принятие антимонопольного законодательства).

7. Комплекс мер по социальной защите (в том числе индексацию выплат из системы социального обеспечения).

8. Иностранную помощь (в том числе целевую помощь на проведение реформы).

Либерализация экономики включает:

1. Полную либерализацию цен.

2. Приватизацию (в том числе поощрение частных предприятий более льготными условиями, чем в государственном секторе).

3. Формирование рынка капитала.

4. Реформу банковской системы.

5. Реформу налоговой системы.

6. Интеграцию в мировую экономику (в том числе конвертируемость национальной валюты, привлечение

иностранного капитала на льготных условиях).

Все эти меры неизбежны в процессе перехода от командной к рыночной экономике. Вопрос заключается в скорости и последовательности их реализации. В теории известны два подхода к проведению рыночной реформы. Первый — постепенная, последовательная реформа, растянутая на сравнительно длительный период времени. За счет большей продолжительности этот путь может показаться менее болезненным для общества.

Для проведения последовательной реформы необходим ряд условий. Правительство должно иметь достаточную власть, политическую волю и желание такую реформу проводить. Нынешнее правительство ничем из этого не обладает. Реформы в социалистических странах всегда были результатом компромиссов и давления снизу. Нынешнее советское правительство не является исключением.

Второй путь — разовое проведение комплекса мер, позволяющих достичь равновесия в экономике и остановить инфляцию, и затем постепенное осуществление системных изменений. Этот вариант получил название «шокотерапии». Реформа этого типа осуществляется сейчас в Польше. Шокотерапия возможна тогда, когда общество готово принять её. Правительство должно иметь высокий кредит доверия, а население — разделять его цели и быть готово терпеть ощутимое снижение жизненного уровня.

Очевидно, что **в настоящее время оба варианта реформы в СССР невозможны**. Сегодня речь может идти лишь о некотором промежуточном варианте, создающем основу для развития реформы в будущем при благоприятных социально-политических условиях.

Первое, что необходимо сделать, это убрать все бюрократические ограничения на экономическую дея-

тельность, которыми так богата советская экономика. Дать право каждому открывать любые предприятия, нанимать работников и заниматься любыми видами деятельности (кроме уголовно наказуемых). Государство может препятствовать открытию предприятий или закрывать их только в судебном порядке. Граждане и организации получают равные права как юридические лица.

Вопрос, что чему должно предшествовать — стабилизация либерализации или наоборот, — поставлен, на мой взгляд, не совсем верно. Стабилизация и либерализация в нашем случае должны начинаться одновременно. Реформа должна быть комплексной и всеобъемлющей. Так очевидно, что невозможно начинать реформу при существующих ценах. Освобождать цены нельзя без проведения антимонопольных мероприятий. Ликвидация монополий и возникновение конкуренции невозможны без открытия дверей на внешний рынок и т. д. Отсутствие в реформе хотя бы одного существенного элемента неизбежно рождает узкие места, провоцирующие административные меры по преодолению их последствий. В результате возникают порочные круги, дестабилизирующие весь ход реформы.

Отличие между стабилизацией и либерализацией заключается в сроках, в течение которых они могут быть проведены. Если стабилизация может и должна быть проведена в короткие сроки, то либерализация требует большего периода времени. Кроме того, стабилизацию можно провести при помощи существующих экономических институтов, а либерализация требует создания новых экономических институтов, соответствующих рыночной экономике.

Константин КАГАЛОВСКИЙ,
экономист.
г. Москва.

Родина — это прописка?

Обстоятельства вынуждают меня обратиться в вашу редакцию. Президиум Верховного Совета своим решением от 10 ноября 1989 года вернул мне гражданство и Родину. В свое время я проживала с мужем, евреем, в Риге. Затем он уехал в Израиль. После долгих просьб и уговоров (я русская) в 1975 году я приехала к мужу. Через год он умер.

Я долгие годы урывала от социальной пенсии, оставляя только самое необходимое и откладывая небольшие суммы на жилье и дорогу в случае возможности возврата в СССР. Весь этот долгий период я жила жизнью моей Родины. Работая в библиотеке общества «СССР — Израиль», приложила максимум стараний для становления Русского телевидения в моем районе. В апреле 1985 года я вступила в компартию Израила.

Получив долгожданное решение Президиума Верховного Совета СССР, 25 октября 1989 года прибыла на родину в Москву к дальним родственникам, которые заранее подтвердили в УВИРе согласие на мое временное проживание. Получив московский паспорт, я подала необходимые документы в паспортный стол, добавив ходатайство о прописке и очереди на валютный кооператив.

Долгие шесть месяцев я ждала решения моей проблемы. На многочисленные вопросы инспектору Сидориной и сотрудникам паспортного стола Моссовета объяснить причину столь долгого ожидания, я не получила вразумительного ответа. Наоборот, меня запугивали сложностью ситуации и вероятностью отказа. В результате, 19 апреля 1990 года я и получила отказ в прописке и в очере-

ди на валютный кооператив. Это их бесчеловечное решение игнорирует гуманный акт Президиума Верховного Совета СССР и фактически лишает меня права на жизнь. Создалось нелепое и парадоксальное положение. Во-первых, как нигде не прописанный человек я не имею права на получение пенсии, заработной платой мною еще до выезда из СССР. Спрашивается, на что мне жить? Кроме того, мне, 72-летней женщине, отказано также и в медицинском обслуживании.

Во-вторых, валюта, сбереженная мною ценой многолетних лишений и необходимая для приобретения жилья, переведена мною во Внешэкономбанк. Но по существующим в стране законам, я не имею права использовать ее для приобретения жилья в частном секторе в Подмосковье, а также не могу использовать ее для насущного питания.

В-третьих, вырвавшись из одной заграницы с жесткой этнической структурой, считаю для себя невозможным отправиться в другую, то есть в Ригу, где у меня сейчас нет никого, кто бы мог даже временно приютить меня.

Таким образом, бюрократический аппарат подводит черту под моим существованием. В то время, когда все усилия правительства направлены на создание правового государства, на утверждение права человека жить, где он считает нужным, я оказалась в таком безысходном положении.

Но я не хочу верить во всемогущество противодействующих мне сил. Помогите решить мою проблему и сохранить веру в жизнь и веру в добро.

Е. ЛЕВЕНОВА,
г. Москва.

ЛИЦОМ

К АПОКАЛИПСИСУ

Алесь АДАМОВИЧ

1. ФИЗИЧЕСКИЕ РЕАЛЬНОСТИ СУДНОГО ДНЯ

Апокалипсис — понятие философское, теологическое или же психологическое. Ну, а Апокалипсис — физическая реальность — что он такое? Сегодня это прежде всего ядерное оружие. Джонатан Шелл в своей замечательной работе «Судьба земли» давно назвал его оружием Судного дня.

Когда показал свои зубы дракона «мирный атом» — в Чернобыле — сквозь растерянный журналистский лепет и оправдательное бормотание науки грозно прорвались слова прямо из пророчеств Иоанна Богослова: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда,.. и пала на третью часть рек и источники вод... Имя сей звезде «попынь»... В украинском языке «Чернобыль» означает «попынь обыкновенную». Помню, когда я услышал это от одного физика летом 1986 года, мой материалистический, атеистический ум посрамлено поклонился необъяснимому. И я решил посрамить его еще и публично, процитировав Откровение Иоанна Богослова на проходившем в Москве Съезде писателей, — шок был

в зале. Думаю, что и в президиуме, где сидел сам Егор Лигачев. Но мы все равно еще не осознавали близости бездны, которая открылась у ног наших...

Впрочем, кое о чем мы догадывались. Особенно у нас, в Белоруссии. Страна эта, оказывается, особенная. Знаете, это как бывает с некоторыми людьми, их называют невезучими. И другие болеют, попадают в аварии. Но невезучих не обойдет ни одна болезнь и ни одна авария. Хоть плачь. Вот так и с моей Белоруссией. Сколько войн вела Россия и с Россией вели, все самые главные прокатывались по Белоруссии и ее народу. И шведская, и с Наполеоном, и все войны с немцами. То, что мы пережили во второй мировой войне, можно назвать «атомной войной обычными средствами». Один американский публицист побывал на кладбище белорусских деревень под Минском (их сотни и сотни), сожженных вместе с людьми, убитых деревень, потом написал: трудно реально представить трагедию другого народа, для этого надо то же самое хотя бы спроецировать мысленно на свою страну, на свой народ. Вообразим, продолжает он, что убито 50 миллионов американцев, сожжены все города и деревни Америки за исключением, например, восточного побережья, — вот маш-

Доклад в Ньюпорте (США) на конференции американских и советских ученых и публицистов (июнь 1990).

табы трагедии Белоруссии. Сопоставимые (по результатам) разве что с атомной войной...

И вот мир снова обнаружил, что мы уже в 1986 году ощутили, о чем пытались сказать, крикнуть, но нас долго не слышали ни в Москве, ни за рубежом, ни в самом партийно-правительственном Минске: Белоруссию снова накрыла тень Апокалипсиса!

Сегодня, наконец, увидели, услышали: из 350 условно-хиросимских бомб (по радионуклидам) 300 упали на север от Чернобыля, то есть на Белоруссию: на 27 городов, на 2700 деревень (это по официальным данным, все еще заниженным). Как минимум четвертая часть населения (2,5 миллионов из 10) живут (вот уже четыре года) в зараженной местности. Где ни молока от собственных коров не попить без дозиметра (а дозиметры до сих пор прячут от населения), ни ягуду съесть.

Четвертая часть населения... Кстати, четверть жителей Белоруссии погибла в последнюю войну. Вот еще одна для белорусов «апокалиптическая» цифра!

Ясно, что живя на столь помеченной трагической судьбой земле, нельзя было не воспринимать с особой, с физической остротой и любые знаки «ядерного Апокалипсиса». Которые мы особенно стали замечать после начала брежневской авантюры в Афганистане и начавшегося во всем мире соревнования: кто больше приготовит ядерного горючего для общего акта самосожжения.

Было естественно, что в это время лично меня очень тянуло встретиться, поговорить с людьми, которые непосредственно у кнопок Судного дня, — прежде всего с капитанами ядерных подводных лодок. Чтобы понять, чего ждать от них.

Судьба меня свела с тремя (один из

них американец). На ком душа успокоилась? На солдате-мальчишке, тоже ракетчике, — он обслуживал «кабели» на ядерной установке.

О них обо всех и расскажу.

2. ТАК НАЖМЕМ ИЛИ НЕ НАЖМЕМ?

Время и впрямь было критическое, и, как оказалось, поворотное (близившаяся перестройка). Тогда казалось: два тяжелых состава по однопутной насыпи стремительно сближаются лоб в лоб, вот-вот врежутся. Все и перед всеми всегда правы! Так определял для себя формулу, по которой погибнет мир, — в повести «Последняя пастораль», которую писать начал день за днем, слушая речи «всех» в ООН, где работал осенью 1982 года в составе белорусской делегации. В апреле 83-го мы организовали в Минске встречу, конференцию писателей и публицистов, кажется, первую у нас, на тему ядерного Апокалипсиса.

Классически прозвучала на конференции жалоба моего ироничного соавтора по «Блокадной книге» Даниила Гранина: «Адамович тащит меня на край пропасти — нарисовал жуткую картину конца света, а тут еще Карякин добавил — и говорят: работай! А я не могу работать на краю пропасти».

Действительно, это тогда была проблема: чувство всеобщего конца, гибели — оно спасительно или губительно? Мобилизирует человека, людей на сопротивление грозящему или обезволивает совершенно уже перед неизбежностью, только ускоряя сползание к пропасти?

Задолго до этого (в 1955 году) прозвучал «на весь мир» Манифест-предупреждение Рассела-Эйнштейна. На весь-то на весь, но услышали его немногие (у нас опубликован открыто

и полностью лишь в 1988 году в журнале «Дружба народов»). Время нового мышления все не наступало. Даже строптивый академик Петр Капица не принял главной мысли Манифеста: мир погибнет, человеку не выжить, если ядерное оружие будет оставаться на планете, а мир будет по-прежнему идеологически и политически разорван. Великий физик зачем-то стал гадать-прикидывать, насколько организм человеческий сможет адаптироваться к радиоактивному заражению...

Вначале и академик Сахаров создавал Оружие Апокалипсиса (и его подчинила мысль, что спасение — в равновесии страха) и лишь в 60-е годы понял: спасение — на путях конвергенции социальных систем, а свой долг стал видеть в борьбе за то, чтобы общество, которому он вручил свой гений физика, перестало быть закрытым, чтобы уважались права человека, жизнь человека, а тем самым права и жизнь рода человеческого.

Ведь вызывали меня, например, после той минской конференции в ЦК компартии Белоруссии, где сообщили удивительную «формулу политики», высшей, по-видимому: «Если из всего нашего народа уцелеет 10 человек, важно, чтобы они остались советскими людьми. СОВЕТСКИМИ». Вот что, оказывается, важнее самого выживания рода человеческого.

Впрочем, генерал Хейг, госсекретарь Соединенных Штатов Америки тогдашний, исповедовал нечто схожее-каннибальское; помните, знаменитое: «Есть вещи поважнее мира и страшнее войны...»

Я все старался прорваться к капитанам подводных монстров, существующих ради того, чтобы «при необходимости» своими двумя десятками ракет снести целую Европу или Америку.

Первый такой разговор я «рассекретил», выступая на Московском форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества». Был уже 1987 год. «Московские новости» напечатали, и начался шум, обвинения в «кощунстве» и «предательстве». Как: они нас да, а мы их нет? Они — миллиард, два миллиарда жизней снесут, испепелят и не получат того же я ответ? Да и вообще, никакого капитана не было, Адамович его придумал! По причине зловредного своего пацифизма.

Но капитан был, и разговор был. В семейной домашней обстановке, за чаем. Я предложил «модель ситуации»: «они» нанесли удар, испепелили полмира и вторую половину засыпали радиацией, кнопка возмездия под вашим пальцем — ответите агрессору (но, возможно, что и ошибка компьютеров), нажмете или не нажмете? Жизнь уцелевших людей и стран, а возможно, и само будущее рода нашего и вообще существование жизни на земле — в ваших руках.

Сидевшие за столом мать и дочь капитана откликнулись немедленно: «Конечно! Они же нас убили. Нашу страну».

Голоса из прежних времен: папа, отомсти! — плакаты и призывы неядерной Великой Отечественной живут и поныне в нашей памяти, в нашем сознании.

Капитан все не отвечал. И вдруг вернул мне вопрос: ну, а вы как бы поступили?

Нет, не нажал бы ни при каких обстоятельствах! Иначе именно я, мы будем убийцами человечества. Тот, нажавший первым, — подлец, убийца половины человечества, а я — всего рода людского. Всекаин! «Ну, а я, — наконец ответил капитан, — я не скажу, как поступлю. Они не должны этого знать».

История эта имела продолжение поучительное. В том смысле, что про-

явила, от чего и к чему мы поднимались в своем сознании. И как стремительно. Летом 1987 года генерал Дмитрий Волкогонов, тогда второе лицо в политуправлении Советской Армии, очень легко вызвал гнев и возмущение не троллейбусной, а писательской публики в зале Дома литераторов, когда упрекнул некоего писателя (не называя имени) в немислимой безответственности и кощунстве (пересказал беседу с капитаном, мнимым, по его убеждению, потому что советские войны в отличие от некоторых писателей, «не такие»).

Когда я все-таки не пожелал быть анонимом и вышел на трибуну: мол, это я такой плохой! — и попытался объяснить и развить свой разговор с капитаном, убедить, что времена «возмездий» ушли бесповоротно, пришлось преодолевать несколько шквалов искреннего возмущения из писательского зала. А после в вестибюле знакомый, близкий мне фронтовик-поэт, сказал как-то растерянно: «Не знай я тебя, решил бы, что говорит предатель!»

Но прошло всего полгода, горбачевская политика нового мышления привела его в Вашингтон, был заключен первый в истории договор о ликвидации целого класса ядерного оружия, и когда в газете «Советская культура» снова вспыхнула полемика: нажал бы, не нажал!.. — в ответ на письмо моих земляков Бегуна и Бовша, она прозвучала глухо, почти не резонируя на общество.

Людям становилось привычным многое, что недавно казалось абсолютно неприемлемым.

Помнится, что там, в Вашингтоне, Горбачев, счастливый тем, что им с Рейганом удалось совершить, отметил, подчеркнул благодарно, что вело его к этому и общественное мнение, которое подталкивали публицисты, писатели и т. д.

Расскажу про такого вот «подталкивателя» — солдата советских ракетных войск, который приехал ко мне специально, поговорить. Его едва не посадили (но потом досрочно демобилизовали) за упрямую мысль, фразу: «А я на месте Горбачева не ответил бы даже на первый удар...» — Значит, ты порубишь кабели? (Он обслуживал кабельное хозяйство при ракете). «Нет, я свой долг выполню, но на месте Горбачева я бы...»

Позвонил он мне из Чернигова и попросил «десять минут для разговора». Не по телефону, а с глазу на глаз. Когда появился у меня дома, сразу же начал с полемики. Прочел, мол, «Последнюю пастораль», не кажется ли вам, что вы приглашаете противника нанести первый удар (то есть провоцирую его, укрепляя в нем надежду, что не ответим ударом на удар)? Раз во имя жизни человечества мы готовы пожертвовать собой, собственным народом...

Вопросы действительно крутые и даже страшные. Но в том-то и дело, что новое мышление, если все додумывать до конца, — это нечто пострашнее и потрагичнее гамлетовского, личностного: «Быть или не быть?» Тут о народе, о человечестве!

Я пытался объяснить, что вкладывал в «Пастораль», из чего исхожу, но солдат (уже в джинсах, демобилизованный) наконец открылся: он лишь испытывал мою логику и доказательства. Чтобы убедиться в своих убеждениях. Потому что это и его убеждения, и пришел он к этому сам, в армии. И рассказал, как уговаривали и угрозами суда «за предательство» старались вернуть его к доатомному мышлению. Чтобы он публично, перед всей частью отрекся от «новой веры». Не отрекся: «Я свою, солдатскую, службу исполню, но на месте Горбачева...»

Ну, а Горбачев — на своем месте?

Сегодня у нас в стране ему не очень уютно в роли лидера перестройки: балки перекрытия старого сгнившего здания, столбы падают, рушатся чуть не на голову, куда и отклоняться? Но что бы ни случилось, как бы ни пошли дела, одно сегодня ясно: этот парадоксальной судьбы лидер дает миру еще один шанс — избавиться от значительных запасов ядерного оружия, самого тяжелого, опасного, которое завтра может стать и орудием (и оружием) хаоса. В стране и во всем мире. На западе немало пишут с оправданной тревогой: а кто будет им распоряжаться, советским ядерным арсеналом, если захлестнет страну анархия? Ну, так не медлите, все надо сделать вместе с Горбачевым и заранее разрушить этот возможный хаос. Разоружайтесь вместе с ним, не торгуясь, не до того сейчас, поймите!

Доядерное оружие сопровождалось таким мышлением: если у другой стороны есть это, надо, чтобы и я такое же имел, а то и посильнее. Потягаемся! Ядерное оружие должно диктовать совсем иную логику: если оно есть у возможного противника, а у меня тоже есть — оно одинаково опасно для обеих сторон, и потому как средство войны бесполезно. Надо от него избавиться. Пока не поздно. А тем более в нынешней ситуации. Если наши и ваши советники по этим делам начнут расчеловечиваться, пытаются выгадать на каком-то другом классе ракет (морские и т. п.), а в результате многомегатонные так и останутся в шахтах, не придется ли завтра пожалеть, если они окажутся совсем в других руках: а ведь их могло и не быть, была возможность их не иметь против себя!

Происходило все описанное и происходит на фоне, я сказал бы, на гребне, из глубины напирательной еще одной волны — нарастающей экологической катастрофы. Когда скорости

или силы суммируются со встречной, момент последнего удара (если события к нему влекут) сокращается соответственно. И это надо учитывать: военную угрозу — когда речь об экологической, и наоборот. И потарапливаться (не опаздывать!) вдвойне. Случись большая война (даже неядерная), результат был бы близок к той же ядерной катастрофе. Первоочередной целью неядерных ударов стали бы ядерные реакторы, АЭС. Многие уже позаботились, чтобы их были сотни: «Если произошел бы выброс лишь 10 процентов радиоактивных веществ из всех европейских АЭС, — пишет Лев Семейко в журнале «Новое время» (18/90), — то, по оценкам некоторых ученых, в течение 10—75 лет катастрофические последствия этого были бы в четыре раза большими, чем при ядерных взрывах общей мощностью 2500 мегатонн».

Если до Чернобыля (вот где военный атом перемигнулся зловеще с «мирным» — как сообщники!) это еще было кому-то невдомек, то сегодня...

Расскажу о еще двух беседах с капитанами атомных подлодок. С американским и одним советским. Джеймс Буш приехал в Казахскую степь за тем же, что и я — наблюдать мирное уничтожение, первое (наконец-то!), ракет средней дальности. Высокий, спортивный, хотя уже слегка седой подводник-пацифист, мои вопросы: нажал бы он, не нажал, когда не пацифистом был, а поворовски прятался под водой — воспринял почти иронически:

— Конечно! И не рассчитывайте на что-либо иное. Нас для этого готовили, а иначе мы не служили бы в армии. Более того скажу: когда списывали на берег, некоторые мои офицеры высказывали нечто вроде сожаления: эх, не пришлось на деле испытать такую мощь!

И еще раз нажал на главную мысль свою:

— Не рассчитывайте слишком на военных в этом деле. Поступит команда — и всему конец. Потому-то я и приехал сюда, стал пацифистом. У военных надо отнять эти игрушки.

Рассказал я об этой встрече еще одному капитану, белорусу, другу детства, тоже отставному:

— Понятно, присяга, долг военного человека. Но ведь вам уже сказано: в ядерном поединке победить невозможно, вы же не на победу работать будете. Тогда на что? Кто большой вклад внесет в коллективное самоубийство? Как ставится задача при том, что это уже сказано?

Он мне:

— Задача ставится сознательно узкая: уничтожить такую-то цель. Например, подлодку врага с ракетами и боеголовками. Впрочем, это — цель — узнаем в последний миг.

— И ни о чем больше не думай? Цель — пли!?

— Ни о чем больше. Именно.

— Ну, а если цель — целый континент? Сегодня это как раз для одного залпа, одной подлодки.

— Победить в конкретном поединке. И не заглядывать, что дальше. А что еще тут возможно при такой-то ситуации?

Значит, спасение — думать о целом, ибо всем и не выделять для себя цель — «врага». У ядерного оружия цель одна — человечество. Все человечество.

Юрий Карякин когда-то (как раз в то время, о котором речь идет) прокричал остро, пронзительно: «Не опоздать!».

Сейчас, когда столько проблем (поми- мо ядерных и вместе с ними) навалилось на нас — экологических, социальных и прочих — хочется добавить к этому: «Не растеряться!» Перед камнепадом проблем — кажет-

ся, что неразрешимых — не растеряться. Не отчаяться.

3. АПОКАЛИПСИС — ЭТО СКОЛЬКО РЕНТГЕН?

Народ наш — белорусы, украинцы, жители западных русских областей, тоже пораженных радионуклидами, — уже измеряют историческое время так: «до» 26 апреля 1986 года и «после». До Чернобыля и после Чернобыля. Все больше осознаем: Чернобыль не позади, он впереди. Нам жить и жить (и умирать) рядом с ним, десятилетия, столетия, даже после того, как все блоки чернобыльского «миллионика» будут убраны с глаз. Сейчас Чернобыль в почвах, в воде, в продуктах питания. Потом он проявлять себя будет через гены — в течение столетий. Это настолько серьезно для украинцев, русских, живущих на пораженных землях, а для белорусов — для всех, для целой нации (у нас поражено практически все, а что еще чистое, завтра может загрязниться), что и такие вот идеи-предположения звучат: отселить несколько десятков тысяч белорусов подальше от родной земли с тем, чтобы после, через 100, через 200 лет, их, здоровый генофонд, вернуть назад... Грамотно это или безграмотно по науке — не столь важно. Но само по себе страшно, что о таком мы вынуждены уже думать.

Таковы биологические последствия Чернобыля, но есть и социальные. И они будут нарастать — в Белоруссии, на Украине, да и в России тоже.

Например, в апреле этого года в самых загрязненных районах, на Гомельщине, прошли забастовки на крупных заводах (до этого было в районных центрах) с требованием суда над теми партийными, государственными деятелями и их интересы об-

служивавшими «учеными» (поименно), кто повинен в большой лжи, в преступном сокрытии правды о катастрофе и ее последствиях. Повинных в ситуации, когда над огромной массой людей и над обширными территориями проводится какой-то бюрократический эксперимент: а что будет, если делать все не то и не так, как диктует здравый смысл? Например, не локализовать срочно опасные зоны радиации, а производить там продукты питания, наращивая это дело, вывозя их, «грязные», чтобы завозить «чистые». Или: вместо того, чтобы людей из этих зон отселить, все средства и ресурсы бросить, направить на сизифов труд: отмыть от радиации дома, заборы, деревья, называя это «дезактивацией». (2,5 миллиарда рублей затратили в Белоруссии в основном на это, да еще на строительство «культобъектов» и асфальтовых дорог, улиц там, где жить нельзя, невозможно и откуда сегодня все равно вынуждены отселить).

За этим абсурдом — что? И кто? Наша великолепная командно-бюрократическая система на основе однопартийности, когда решает некомпетентность и псевдонаучная самоуверенность догмы, а обосновывает эти решения ведомственная, лишняя всякой нравственности наука.

Но только ли некомпетентность всему виной? Неужто в такой глобальной лжи не было корысти? У кого-то и в чем-то.

Что же на самом деле произошло, почему так повели себя власти, многие ученые, атомщики, медицина, экологическая служба? Да сама тоталитарная система, от которой мы избавляемся, но которая сформировала этих людей и определенные структуры, традиции, все это предопределила. Но конкретнее — как все происходило?

У нас в стране существовала просто-таки эйфория в отношении атомной энергетики. Самая чистая, самая безопасная и дешевая! Можно реакторы прямо под стенами московского Кремля устанавливать. (Вот бы установили!) Это утверждали проектанты реакторов (академики Александров, Далижалъ и др.), работники атомного министерства, строители АЭС. Они даже тренажеры не делали на АЭС — и на этом «экономили». Передалось это и эксплуатационникам. Никакой разницы между АЭС и тепловой станцией!

А когда ахнуло, первая реакция и стремление всех этих людей и ведомств — преуменьшить масштабы беды, а тем самым и собственную вину. Как не стремиться преуменьшать угрозу здоровью людей руководителям Министерства здравоохранения, если они не имели, **не подготовили** достаточно специалистов? А те ведомства и начальники, которые оставили страну без дозиметров, измерителей чистоты продуктов питания, и это сразу обнаружилось?..

Все они — от Главатома до института радиофизики и Министерства здравоохранения — бросились не изучать обстановку, а закрывать ее пеленой секретности. Чтобы вина их перед народом, страной не была столь велика.

А в результате эта вина удвоилась, потому что три года людей уговаривали жить там, где жить нельзя, питаться тем, что нельзя использовать в пищу, вдыхать отравленную пыль, — вот почему сегодня никто не верит ни этим руководителям, ни этим ученым или медикам. И радиophobia тут ни при чем (они все на нее сваливают). Налицо преступление перед собственным народом.

Любопытно, что послушная ведомствам наука, люди и власти, теряющие доверие у своего народа, все

чаще апеллируют к авторитету международной науки. Но не к независимым ученым, а к таким же лоббистам атомной энергетики, как и они сами (из МАГАТЭ, из Всемирной организации здоровья).

Но общественность (в частности, Сахаровский комитет, созданный вдовой академика Еленой Боннэр) самостоятельно устанавливает связи с независимой наукой, независимыми учеными других стран — в интересах всего человечества. Чернобыль — это не наша только катастрофа. Это планетарная беда. И преодолеть ее последствия (насколько это возможно) приходится общими усилиями.

На втором заседании Московского международного энергетического клуба, проходившем в Бохуме (Западная Германия) я, хотя и не специалист, предложил вернуться к американскому «плану Баруха», но применительно к «мирному атому». То есть ввести строжайший международный контроль за установкой и эксплуатацией АЭС. И может быть, принять идею А. Д. Сахарова об исключительно подземных АЭС. Во всяком случае, убрать с планеты все потенциальные Чернобыли, помогая в этом деле друг другу:

Выводы напрашиваются самые серьезные, если исходить из горького опыта самой крупной (как сказано в постановлении Верховного Совета СССР по Чернобылю) катастрофы XX столетия. Напрашивается несколько вариантов решения проблемы атомной энергетики в мировом масштабе.

1. Полный отказ от «мирного атома», который не оказался ни мирным, ни надежным в энергетике.

2. Упрятать все АЭС под землю, строить только в скальном грунте, а ныне существующие во всем мире «поверхностные» закрыть.

3. Строжайший контроль, международный, над атомной энергетикой — на всех этапах: от проектирования

до эксплуатации, подготовки обслуживающего персонала и т. д.

Рассмотрим вариант последний, третий. Да, нечто вроде нового «плана Баруха». (Хотя думается, что не закрыт окончательно вопрос и о коллективном владении, через ООН, остающегося после всех сокращений атомным оружием).

Вот некоторые аспекты этого возможного соглашения по атомной энергетике:

а) разработка, конструирование, создание общими усилиями оптимально безопасного реактора и обязательство стран не использовать другие, которые хуже, ниже по уровню безопасности;

б) коллективная помощь тем, кто вынужден будет избавляться от устаревших типов реакторов, АЭС;

в) поддержка идеи подземного строительства АЭС, которое, впрочем, имеет свои, уже обнаруживающиеся, проблемы;

г) обязательство полной компенсации населению всего ущерба, если кто-то пострадает от атомной энергетики (чтобы не повторилось недопустимое, то, что и поныне продолжается на территориях, обездоленных Чернобылем).

Незадолго до смерти (до загадочного самоубийства) академик В. А. Легасов, внутренне обожженный чувством вины за Чернобыльскую трагедию, продиктовал мне «график» новых катастроф типа чернобыльской. (Недавно мы закрыли одну из таких станций — армянскую АЭС, на очереди — ленинградская, смоленская и др.).

А что если перед глазами Господа Бога уже лежит такой свиток, график, — угадать бы. Береженого Бог бережет! — говорят у нас в народе. Так давайте будем береженными — беречь свою единственную планету. Вместе, общими стараниями, усилиями, программами.

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Диалог публициста
Дениса ДРАГУНСКОГО
с историком Мартином МАЛИА /Беркли, США/

Д. Д. Ваша статья «К мавзолею Сталина», подписанная литерой «Z» и опубликованная в январе этого года в весьма рафинированном журнале «Дедал», наделала у нас немало шуму, хотя и явилась советским читателям в виде откликов и ответов автору, упорно не желавшему восторгаться перестройкой и гласностью. Мы настолько привыкли к похвалам и поощрениям с Запада, что любая трезвая нота в этом хоре воспринимается с некоторой обидой. Но с той поры прошло уже более полугода — и могу ли я быть уверен, что я сейчас говорю с тем самым «Z»? Или время как-то изменило ваши взгляды?

М. М. И да, и нет... Статью «К мавзолею Сталина» я писал поздней осенью прошлого года, до разрушения берлинской стены. Я — историк-эмпирик и поэтому до недавнего времени пребывал в пессимистическом убеждении, что социализм вечен и коммунизм неизбежен, во всяком случае, в тех странах, которые вступили на этот скорбный путь. Но теперь я понял, что социализм в принципе смертен. Он умирает и как идея, и как политическая система. Это, естественно, несколько изменило мой взгляд на перспективы развития СССР. Но как и прежде я уверен в том, что социализм не подвержен внутреннему реформированию, т. е. позитивному саморазвитию на базе «социалистических ценностей». Ны-

нешний кризис запрограммирован практикой социалистического строительства, практикой ленинизма. Логика гибели была предсказана уже военным коммунизмом и первой пятилеткой. Система, основанная на силлии и лжи, может достичь весьма невысокого уровня развития своих институтов — и этот уровень был достигнут еще при Сталине. Далее начался период распада, продолжающийся до сих пор. Горбачев, говоря о многопартийности и рыночной экономике, тем самым признает, что социализму наступил конец.

Д. Д. А его заверения о «верности социалистическому выбору, сделанному народом в 1917 году» (рассмотреть бы поподробнее конкретные обстоятельства этого «выбора») — не более чем попытка успокоить самых активных представителей косной массы?

М. М. Скорее это попытка сохранить в собственных глазах целостность своего политического облика: Генсек ЦК КПСС и Президент СССР обязаны чтить социалистические идеалы. Но не думаю, что подобная риторика может положительно воздействовать на массы, скорее наоборот. Насколько я могу судить, термин «социализм» давно превратился у вас в ругательство.

Д. Д. Но главные составляющие социалистической ментальности все еще сильны. Это вера в утерянный

истинный путь, в светлое будущее и в необходимость ради этого будущего терпеть лишения. Вера в справедливость, которая выше свободы, и в самоценность собственной самобытности. Благодаря этому бессмысленные на непредубежденный взгляд лозунги-заклинания типа «Перестройка — это возрождение ленинского облика социализма» все еще обладают воодушевляющей силой для немалой части людей. Для тех самых людей, которые вслух клянутся развитой социализм и «совместительностью». Бог умер, но вера в него живет. Поэтому и возможны слова Генсека об «обновлении социализма», о социалистических ценностях и т. п. А главное, о том, что и рыночная экономика, и плюрализм, и парламентская демократия — все это делается ради устройства «настоящего, истинного, неискаженного социализма».

М. М. Что такое социализм? С одной стороны, весьма расплывчатое понятие. Но с другой стороны, у социализма есть ядро — уничтожение частной собственности как путь к равенству. Не надо утешать себя словами об извращениях социализма, о том, что социализм в СССР так и не построен, об отходе от социалистических идеалов и так далее. Ленин и Сталин построили именно социализм, причем наиболее последовательный и чистый: уничтожение частной собственности, да и вообще любой «частности», приватности во всех сферах жизни. Репрессии не являются каким-то извращением на этом пути — уничтожить собственность и установить всеобщее равенство можно только путем насилия. При этом насилие называется высоким именем классовой борьбы. Какова сила наукоподобных терминов! Вожди революции с чистой совестью, во имя научно обоснованных целей, совер-

шенно по-научному разделялись с людьми, с социальными институтами, с целыми классами и сообществами... Даже в самых малых дозах социализм если не разрушает, то затормаживает развитие прежде благополучных экономических режимов. Вспомним ситуацию после 11 Мировой войны. Континентальная Европа лежит в развалинах. Наиболее промышленно дееспособная страна — Великобритания, далее идут Франция и Италия. О побежденных Германии и Японии говорить не приходится. А сейчас? Сейчас все наоборот. Английское производство — я не ручаюсь за точность цифр — это всего две трети французского, это менее половины германского, а о Японии опять не приходится говорить, но уже совершенно в другом смысле. Почему? Потому что в Англии после войны был социализм, пусть очень скромный, «британский», но этого хватило, чтобы затормозить развитие страны. Госпожа Тэтчер постоянно об этом напоминает, и мне думается, в ее словах есть истина.

Д. Д. Случай Тэтчер для нас очень важен. Железная леди железной рукой провела денационализацию, реприватизацию, а также ряд непопулярных, но необходимых финансовых мероприятий, что в конечном итоге значительно оздоровило британскую экономику. В среде наших политологов — причем весьма демократически настроенных — возникла мысль о твердой руке, об авторитарном лидере.

М. М. Были случаи, когда сильная рука была способна на руинах хозяйственного механизма создать современную рыночную систему, создать в полном смысле слова «сверху» — как сделали Франко и Пиночет. Но и в отсталой Испании, и в разрушенной Чили уже был рынок и была его основа — институт частной собствен-

ности. У вас же — только отсталость и развал. Кроме того, даже самым робким шагам в направлении приватизации сопротивляется партаппарат, этот реальный носитель экономической власти. Партаппаратчики — это, в сущности, негодные менеджеры.

Д. Д. Вопрос замены менеджера-партаппаратчика на настоящего менеджера — самый сложный. Где взять настоящего менеджера?

М. М. Ищите независимых, не-испорченных партийным влиянием молодых людей.

Д. Д. Совет замечательный по своей невыполнимости. Даже студент-старшекурсник, всерьез рассчитывающий на административную карьеру, уже в институте вступает в ряды КПСС. Во всяком случае, так было до недавнего времени. Партбилет — пропуск в те сферы, где делаются дела. Партбилет — в более общем смысле является свидетельством лояльности. Молодой человек хочет его получить, отнюдь не разделяя коммунистических идеалов и не желая играть в аппаратные игры. Но, вступив в партию, он вступает и в сферу ее контроля, который до сих пор остается весьма сильным, несмотря на отдельные эксцессы, способные убогатить либералов. Я имею в виду выход из партии демократических лидеров, борьбу с партийными органами на муниципальном уровне и т. п. Но в целом влияние нашей «руководящей и направляющей силы» еще весьма значительно и, думаю, продлится значительное время.

М. М. Для того, чтобы избавиться от этого влияния, нужны талант и воля Горбачева. Мне видится, что начиная с XIX партконференции он постепенно отстраняет партию от политической власти. Кульминационный пункт этого процесса — XXVIII съезд. Уже в начале этого года Горбачев

понял, что с партией невозможно сотрудничать в деле обновления политических и хозяйственных структур. Он для того и перенес съезд на более ранний срок, чтобы поскорее убрать партию с дороги. Но он плохо занимался выборами делегатов, и в результате получил съезд, если можно так выразиться, старобольшевистской ориентации. Разумеется, он не мог остаться пленником такого съезда. Он наступал на консерваторов, обуздывал либералов, пугал партию перспективой раскола, и в конце концов добился определенной консолидации вокруг собственной платформы, а точнее — вокруг собственной личности. Главное его достижение — это новое Политбюро, чисто представительный, декоративный орган. Настоящая власть, если хотите, настоящее Политбюро в прежнем смысле слова — это Президентский совет. Горбачев отстраняет партию от власти не путем катастрофы или шока, а путем создания альтернативной системы власти. Я надеюсь, что такая альтернатива сформируется не только на уровне Президентского совета и Политбюро, но и на уровне местной власти... А товарищ Ивашко будет править партией для Горбачева, пока партия не отомрет.

Д. Д. Что значит — «партия отомрет»? Мы уже давно живем в пространстве мифологических метафор, и я боюсь, что тезис об «отмирании партии» будет охотно подхвачен как раз теми, кто в этом меньше всего заинтересован. Сколько времени мы говорили о постепенном отмирании государства, а меж тем на его ветвях распускались все новые организационные цветы. Партия будет отмирать, а партийный аппарат — укрепляться.

М. М. Лучший способ борьбы с пессимистом — представить ему еще более пессимистический сценарий!.. Я

все же полагаю, что отмирание партии как массовой организации — объективный процесс. Этому будут способствовать прежде всего массовые выходы из партии. Далее — создание альтернативных властных структур, о чем мы уже говорили. Далее — возможный раздел на фракции, платформы, субпартии с разделом как имущества, так и сфер влияния. И наконец, советизация или муниципализация хозяйственных предприятий партии.

Д. Д. На каком же численном уровне стабилизируется КПСС?

М. М. Я эмпирик, а не прогнозист. Но в любом случае — время массовых партий прошло. Это касается и КПСС, и кадетов, и христианских демократов — всех новосозданных в СССР партий. Будущее за электоральными партиями.

Д. Д. К сожалению, перед нами стоит перспектива создания принципиально новых массовых партий, сформированных на национально-конфессиональной основе. Я всерьез опасаясь, что в обозримом будущем (лет 5—10) и КПСС, и КД будут весьма скромными, сателлитными политическими силами, ищущими своего места обочь могучих противопоставленных друг другу движений — условно назову их Партия Северо-Запада («Христианское Единство») и партия Юго-Востока («Исламское Единство»). Охватившие страну процессы национальной дивергенции сильно застопорят процесс перехода к рыночной системе.

М. М. Каков бы ни был прогноз развития национальных движений, ясно одно — коль скоро они существуют, экономическая реформа должна быть с ними синхронизирована.

Д. Д. То есть дезинтеграция СССР должна быть переведена в русло экономического регионализма?

М. М. Наверное, так, потому что в

любом случае экономическую реформу надо будет проводить в тесной связи с местными условиями. Ясно ведь, что рыночная экономика в Ленинграде, в Прибалтике, на Кавказе, на Дальнем Востоке — это совершенно разные вещи.

Д. Д. А как же общенациональный рынок?

М. М. Мое мнение — вам предстоит длительный региональный этап. Надеюсь, впрочем, что Президент Горбачев, который сумел сплотить часть партии и интеллектуальные сливки народа вокруг привлекательной, хотя достаточно аморфной идеи перестройки, сможет сплотить страну на основе куда более четкой государственной идеи. Тем более, что власть его практически безгранична.

Д. Д. По-моему, вы считаете Горбачева чародеем.

М. М. Он скорее ученик чародея — помните эту старую французскую сказку? Ученик чародея отворил волшебный кувшин, но он не знал второго заклинания — как остановить воду. Горбачев привык жить в потоке, в перманентном кризисе. Ему приходится постоянно импровизировать, балансировать. Ученику чародея пришлось заниматься серфингом на волнах потопа — но он мастер этого дела. Сегодня против Ельцина, завтра против Полозкова, потом отстраниться от партии, а затем вернуться к ней, чтобы правые не взяли верх, потом снова вернуться к советам и вести переговоры с канцлером Коелем, чтобы получить, грубо говоря, деньги за уход советских войск из ГДР, и так довести дело до зимы, когда политическая активность стихает...

Д. Д. Не дай нам бог холодной зимы. Политик успокаивается, но в дело вступает коцегар. Думаю, что больше, чем от политических решений, мы зависим от изношенных трубопроводов. Приватизация может на-

чатся не президентским декретом, а по ходу оттаивания замерзших и полопавшихся отопительных труб: это будет радикальный, но болезненный процесс. Но если даже отбросить перспективу кошмара, то следует все равно признать: мы все время анализируем некие оптимальные перспективы. История же, по моему убеждению, всегда двигалась по пессимальному — простите мне такой неологизм — пути. Анализируя прошлое, всегда понимаешь — события могли бы развиваться лучше, легче, гуманнее. А когда пытаешься представить себе, как могло быть хуже, то видишь — нет, хуже некуда... Почему наше будущее должно стать исключением?

М. М. Разумеется, не должно. Во всяком случае, у меня нет оптимистического прогноза. Вам предстоит тяжелый, многолетний путь возвращения из мира утопии в нормальную жизнь. Может быть, шутка неуместна, но вам предстоит превратить рыбный суп обратно в аквариум с живыми рыбками. Но пессимизм — это не безнадежность. Конечно, я мог бы пессимистически предположить военный переворот...

Д. Д. Это с нашей-то разворотливостью — военный переворот? Объявят комендантский час, а пропуска напечатать не успеют. В нашу структурную путаницу ввести еще одну — военную — структуру? Будет несусветный хаос при отсутствии митингов и дерзостей с телеэкрана. Цель не оправдывает средств, и я уверен, что в военной среде, даже антиперестроечной, это прекрасно понимают.

М. М. Более реалистичный пессимистический прогноз — развал коммуникаций, кризис снабжения, голодные бунты. Армия разделится на...

Д. Д. На красных и белых, как

встарь?

М. М. Не только. На коммунистов и демократов, на армян и азербайджанцев, на местных и пришлых — по многим признакам, что запутает и обострит конфликты, вплоть до формирования автономных отрядов... Однако об этом говорят уже больше года, но в общем-то ничего не происходит. Да, разумеется, я знаю о событиях и в Закавказье, и в Средней Азии... но все же всеобщего апокалипсиса пока нет.

Д. Д. Но есть тихий, ползучий апокалипсис. Мы привыкли равнодушно воспринимать и насилие, и нищету, и бесправие — и возможно, когда на наших улицах появятся сражающиеся между собой автономные отряды, мы этого просто не заметим. Вытесним, как выражаются фрейдисты. Образует некий военно-гражданский, насильственно-мирный симбиоз.

М. М. Я уверен в одном — если в СССР начнется подобие гражданской войны, то мировое сообщество приложит все силы, чтобы ее ликвидировать. Гражданская война в СССР — это всемирная катастрофа.

Д. Д. Итак, единственный гарант гражданского мира — это силы мирового сообщества?

М. М. Нет. Главная гарантия — это способность советского народа **терпеть нетерпимое**. Вот единственный стержень, на который нанизывается сюжет любого благоприятного сценария развития событий.

Д. Д. Это уже классика.

Вынесет все, и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе.

Жаль только, жить в эту пору прекрасную —
Уж не придется...

М. М. Думаю, что все же придется. Если, конечно, мы поможем ученику чародея управиться с потопом.

БУДУЩИЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Карл ЯСПЕРС

*Фрагмент из книги немецкого философа К. Ясперса
«Истоки истории и ее цель» |1949 г./*

Мы не можем предвидеть, каков будет век мирового единства, сколь жгучим бы ни был наш интерес к этому. Однако, быть может, в нашей власти наметить возможности и границы того, что нас ждет в будущем.

1. Все процессы будут «внутренними». Нет больше чуждых сил, варварских народов, которые могли бы вторгнуться в этот мир извне, как это случилось в прошлом, в эпоху великих империй древности. Не будет ни лимеса¹, ни китайской стены (разве только в переходный период, когда великие державы будут еще временно изолированы друг от друга). Единство мира будет единственным, всеохватывающим, замкнутым, поэтому его нельзя просто сравнивать с империями прошлого.

Если извне больше не грозит опасность, то нет более внешней политики, нет необходимости ориентировать государство на оборону, на способность отразить вторжение извне. Положение, что внешняя политика важнее внутренней, теряет свой смысл, впрочем, и раньше значение этого тезиса всегда было невелико там, где угроза извне не была серьезной (например, в Англии), и во времена великих империй древности, по

крайней мере, в течение короткого времени (в Риме, в Китае).

Вся продукция государства служит теперь росту благосостояния, а не разрушительной военной технике.

Необходимая взаимосвязь между организацией армии (необходимой для отражения внешней опасности или для реализации планов завоевания), тотальным планированием, насилием и несвободой рушится. Однако возможность восстановления этой взаимосвязи в террористическом государстве типа мировой империи остается.

При общем упадке и скрытой анархии целое уже не дисциплинируется, как раньше, угрозой извне.

2. Грядущий **мировой порядок** не может конституироваться как некое завершенное целое, а формируется градуированно по многочисленным ступеням свободы. В мировом порядке будут различные уровни. То, что объединяет всех в качестве общего дела, для того чтобы гарантировать мир, может ограничиваться немногим, но при всех обстоятельствах должно лишать всех суверенитета во имя одного всеохватывающего суверенитета. Этот суверенитет может быть ограничен основными сферами власти — армией, полицией, законодательством, — и носителем этого суверенитета может быть посредством

¹ Стена, ограждавшая Римскую империю от натиска варваров.

выборов и соучастия все человечество.

Однако устройство человеческой жизни значительно богаче всеохватывающего законодательства человечества. То, каким это устройство станет в рамках всеобщего мира, должно в многообразных формах выйти из многочисленных исторически сложившихся структур в процессе их преобразования техническими условиями жизни. На этом пути ограниченные факторы станут отправными позициями для образования общественных нравов, духовной жизни людей.

Все это возможно только без тотального планирования на основе планирования лишь общезначимых законов и договоров в обществе свободного рыночного хозяйства, сохраняющего свое решающее значение в ряде существенных областей, в условиях свободной конкуренции и духовного соперничества, в свободном общении, прежде всего в сфере духа.

3. Как в **мировой империи** — в отличие от единого мирового порядка — преобразуются душа и дух человека, можно предположить по аналогии с Римской и Китайской империей: это, вероятнее всего, — нивелирование человеческого бытия в неведомой ранее степени, жизнь в муравейнике, преисполненная пустой деятельностью, застылость и заострение духа, консервация градуированной власти посредством теряющего свою духовность авторитета. Однако эта опасность не может быть непреодолимой для человека. В единой мировой империи возникнут движения нового типа, откроются возможности отъединения, революций, прорыва границ целого для создания новых отдельных частей, которые вновь окажутся в состоянии борьбы друг с другом.

4. Доступно ли вообще человечеству установление правового устройст-

ва мира посредством политической формы и связывающего всех этоса? На это может дать ответ в будущем лишь реализация этой возможности, когда в крупных глобальных объединениях будет некоторое время царить мир и творческий дух. Попытка предсказать это означала бы, что мы прибегаем к чисто умозрительному решению вопроса. А это невозможно. Ожидание того, что древняя истина будет играть определенную роль в новом мировом порядке, отнюдь не знакомит нас с его фактическим содержанием. Ибо не в воссоздании исчезнувшей действительности, а в пламени, которое зажжет ее содержание, создавая недоступные никакому предвидению формы, может возникнуть то, что в будущем окажется этосом, способным служить человеку основой его общественной жизни.

На вопрос, может ли сложиться мировой порядок на основе коммуникации между людьми и принятия решений в качестве условия и следствия свободы, следует ответить: такого устройства мира никогда не было. Но это еще не основание, чтобы отрицать его возможность. Оно близко к развитию буржуазной свободы в демократическом обществе, к преодолению насилия посредством права и законности, — все это, правда, далеко от совершенства, но все-таки в ряде исключительных случаев такая свобода фактически достигалась. То, что произошло в отдельных государствах, что, следовательно, вообще фактически было, то в принципе нельзя считать невозможным для человечества в целом. Однако если эта идея сама по себе убедительна, то воплощение ее в жизнь невероятно трудно, настолько трудно, что многие склонны считать это невозможным.

Так или иначе, но путь к исторической реализации этой идеи ведет че-

рез фактически существующие формы политической власти.

Политические силы. 1. Путь к мировому порядку ведет только **через суверенные государства**, которые формируют свои военные силы и держат их наготове на случай конфликта. То, как они выйдут из положения в атмосфере возникшего напряжения — посредством ли договоренности или войны, — решит судьбу человечества.

Картина фактического состояния государств определяет картину политического положения мира. Есть великие державы — Америка и Россия, затем объединенные европейские нации, затем нейтральные и, наконец, образуя различные ступени иерархии, — побежденные нации. Полному бессилию последних противостоит полный суверенитет, которым обладают только первые. Промежуточные ступени составляют независимые государства, которые, находясь в большей или меньшей зависимости от могущественных держав, часто вынуждены принимать решение по их указанию.

В целом можно считать, что время национальных государств прошло. Современные мировые державы охватывают множество наций. Нация в том смысле, в каком ее составляли народы Европы, слишком мала, чтобы выступать в качестве мировой державы.

В настоящее время речь идет о том, как происходит объединение наций, необходимое для создания мировой державы, — подчиняет ли одна нация или равные по своим жизненным устоям нации образуют, жертвуя своим суверенитетом, единое государственное сообщество. Подобное государство может в свою очередь выступать как нация, опираясь на политический принцип государственной и общественной жизни, объединяющий представителей разных народов.

Национальное сознание превратилось из народного в политическое, из природной данности в духовный принцип. Между тем, еще теперь — и даже в большей степени, чем раньше — продолжают жить призраки прошлого, и в сознании людей сохраняют свое значение понятие национального, несмотря на то, что оно уже потеряло свое политическое значение.

Наряду с могущественными индустриальными державами в мире есть государства, обладающие потенциальными возможностями стать крупными державами в будущем. Это в первую очередь Китай, который вследствие своих запасов сырья, огромного населения, способностей людей, в силу своих традиций и положения в мире, быть может, уже в обозримое время займет ключевые позиции в мировой политике. Затем Индия — этот особый континент с неповторимой духовной традицией его народов, континент, который таит в себе возможность мощи, в настоящее время, правда, еще не пробудившейся, несмотря на постоянно вспыхивающее там движение за независимость.

В рамках мировой истории в целом могущественные в наше время державы — Америка и Россия — предстают как образования сравнительно позднего времени. Правда, развитие их культуры датируется тысячелетием. Однако, сравнительно с другими народами, они как бы начинены чужими идеями. Христианство было привнесено в Россию, в Америке духовно присутствует Европа. Однако как Америке, так и России свойственно — если сравнивать их с древними, творящими свой особый мир культурами — отсутствие корней и вместе с тем великолепная непосредственность. Для нас она бесконечно поучительна и освобождающая, но и страшна. Наследие наших традиций дорого

только нам, европейцам, по-иному дороги их традиции китайцам и индийцам. Традиции дают ощущение своих корней, безопасности, заставляют предьявлять требования к себе. По сравнению с этим нас поражает то тайное чувство неполноценности, которое испытывают в современном мире власть имущие, маскируя его своеобразной инфантильностью и гневными претензиями.

Как ведется эта игра политических сил, как она видоизменяется в зависимости от шахматных ходов отдельных государств при сложных переплетениях возможностей завоевания власти и как все-таки определенные основные свойства при этом сохраняются, — проникнуть во все это представляло бы громадный интерес. Ибо духовные и политические идеи мироустройства находят свою реализацию только на пути, который ведет через завоевание власти в этой игре.

На уровне повседневности многое кажется случайным. Все, что противится вовлечению в крупные образования, является причиной неурядиц; сюда относятся национальные претензии, рассматриваемые как абсолютные, все частные ухищрения, направленные на получение каких-либо особых преимуществ, все попытки натравить крупные державы друг на друга и извлечь из этого выгоду.

2. В игру этих сверхдержав втягиваются все люди, более чем два миллиарда, заселяющие в наши дни земной шар. Однако руководство и решение принадлежит тем народам, которые составляют сравнительно ничтожную часть всей этой массы. Большинство людей пассивно.

Есть некое **исконное разделение мира**, существующее с начала истории. Лишь один раз после XVI в. это исконное разделение было сильно изменено, когда были освоены большие пространства, почти незаселенные, по

европейским понятиям, или заселенные неспособными к сопротивлению первобытными народами. Люди белой расы овладели просторами Америки, Австралии и Северной Азии вплоть до Тихого океана. Тем самым был произведен новый передел мира.

Из этого передела мира и должна будет исходить как из некоей реальности будущая глобальная федерация, если она хочет избежать пути, который ведет к насильственному установлению мировой империи. На пути насилия возможны, вероятно, такие явления, как истребление народов, депортация, уничтожение целых рас, и, следовательно, отрицание самой человеческой сущности.

Громадные массы населения Китая и Индии, устоявшие в ходе событий, и народы Переднего Востока не долго позволят европейцам господствовать над ними или даже просто руководить ими. Однако огромная трудность заключается в том, что все эти народы должны сначала достигнуть политической зрелости, которая позволила бы им перейти от насилия к лояльности, понять сущность политической свободы в качестве формы жизни.

Эти мощные, в значительной степени еще пассивные потенциальные носители власти заставляют нас поставить вопрос: смогут ли несколько сот миллионов людей, сознающих необходимость свободы, убедить тех, кто составляет в своей совокупности более двух миллиардов, и вступить с ними в свободное законное мировое сообщество?

3. Путь к мировому порядку ведет свое начало от **немногих исторических истоков** и от ничтожного в количественном отношении числа людей. Мировой порядок возникает под влиянием тех же мотивов, которые легли в основу буржуазного общества. Так как буржуазная свобода была завое-

вана лишь в немногих областях земного шара в ходе своеобразных исторических процессов и являет собой нечто вроде школы политической свободы, мир должен совершить в большом объеме то, что там было произведено в узких рамках.

Классический тип политической свободы, который всем служит ориентиром, а многим — образцом для подражания, сложился в Англии более семисот лет тому назад. На этой духовной политической основе в Америке удалось создать новый тип свободы. На самой маленькой территории эту свободу осуществила Швейцария в своем федерализме, который можно рассматривать как модель европейского и глобального единства.

В настоящее время в побежденных странах свобода почти совсем исчезла. Она уже была уничтожена, когда аппарат террористического государства якобы пытался защитить ее.

Путь к мировому порядку ведет через пробуждение свободы и понимание ею своей собственной сущности в наибольшем количестве стран. Эту ситуацию нельзя считать аналогичной переходной стадии, которая вела от осевого времени к великим империям древности. Тогда идея и задача свободы едва ли была осознана, в стремящихся к власти державах не было реализованной свободной государственности.

В наши дни мировой порядок — если его удастся осуществить — будет исходить из федерализма свободных государств, и успех его будет зависеть от того, насколько этот дух окажется притягательным для других народов, захотят ли они по внутреннему убеждению следовать ему и мирным путем присоединиться к тому правовому порядку, который несет людям свободу, изобилие, возможность духовного творчества, под-

линно человеческого бытия во всей его полноте и многообразии.

4. Если планетарное единство создается средствами сообщения, то **ощущение единства планеты и ощущение власти** в перспективе этих средств сообщения следует считать решающим фактором.

В течение ряда веков Англия, господствуя над океанами, взирала с моря на мир, на берега, включенные в таинственное царство ее морского владычества.

Сегодня к этому присоединилось воздушное сообщение. По количественным показателям оно уступает другим видам транспорта как способ транспортировки грузов и людей; но тем не менее этот новый вид сообщения настолько расширяет горизонт, что земной шар и с воздуха представляется теперь взору политика как нечто целое.

Господство на море и в воздухе имеет для установления глобального единства как будто большее значение, чем господство на суше, хотя в конечном счете именно последнее повсеместно решает исход войны.

Вездесущность действующей в ответствии с законом глобальной полиции, вероятно, быстрее всего и вернее всего могла бы быть достигнута посредством воздушного сообщения.

Опасность на пути к мировому порядку. Конституированию надежного мирового порядка предшествует преисполненный опасности переходный период. Существование человека, правда, всегда является переходом к чему-то. Однако при переходе, о котором здесь идет речь, сотрясается самый фундамент человеческого бытия, должны быть заложены первоосновы будущего.

Это предстоящее нам переходное время мы попытаемся здесь характеризовать. Оно являет собой наше непосредственное будущее, тогда как

все то, что связано с мировым порядком или мировой империей, относится уже к последующему этапу развития.

Мировой порядок не может быть просто создан. Отсюда и бесплодность мечтаний, обвинений, проектов разного рода, которые якобы непосредственно дадут нам новое мироустройство, будто в них заключен философский камень.

Значительно отчетливее, чем самый мировой порядок, встает перед нашим взором грозящая нам опасность на пути к нему. Однако в факте познания уже заключен момент ее преодоления. В жизни человека нет смертельной опасности, пока он способен сохранить свою свободу.

Перевод И. М. Левиной

МЕЧТА О ЕВРОПЕ

Владимир МИКУШЕВИЧ

ИДЕЯ НАЦИИ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ИДЕЯ

В своем эссе «Искусство и третий рейх» немецкий поэт Готфрид Бенн рассказывает, как в 1932 году была предпринята попытка создать Средиземноморскую Академию. Среди учредителей он упоминает Д'Аннунцио, Пиранделло, Дариуса Мийо. С Академией выразили готовность сотрудничать Королевская Итальянская Академия, мусульманский университет аль-Азхар в Каире и парижская Сорбонна. Готфрид Бенн так формулировал задачу Средиземноморской Академии: «Все, что выработано сперва языческими, а потом монотеистическими поколениями, должно было обрести здесь новое истолкование, чтобы обогащать и воспитывать сегодняшнюю землю». По свидетельству Готфрида Бенна, главным препятствием в работе Академии оказалась обструкционистская позиция гитлеровской Германии. Все пригла-

шения, посылаемые в Германию, перехватывала тайная полиция.

Противодействие национал-социализма средиземноморской идее — не просто курьезная причуда деспотического произвола. Оно имеет свои глубокие исторические корни. Оно определенным образом характеризуется как тоталитаризм, так и средиземноморскую идею. В наше время, когда глобальное крушение тоталитарных режимов становится непреложной очевидностью, средиземноморская идея, их традиционная противница, обнаруживает свою непреходящую актуальность, и возобновление Средиземноморской Академии на всемирном уровне могло бы оказать спасительное влияние на судьбы человеческого рода.

Для Средиземноморья вынужденное сосуществование разных культур — не просто *modus vivendi*, а ми-

роошущение. Пророческая уникальность этой парадоксальной сферы исключает унификацию. Уже Александр Македонский умел отдать должное верованиям различнейших народов, населявших его империю. Наполеон Бонапарт с меньшим успехом попытался подражать этому первому великому экуменисту в истории человечества. Александр Македонский оставил след не только на завоеванных территориях, но и в духовной жизни народов, о чем свидетельствует хотя бы образ Искандера Дурогого в мусульманской традиции. Кстати, романско-готическая культура европейского Запада восприняла античную философию именно в арабско-исламской интерпретации. Недаром в «Божественной комедии» Данте с неподдельным пиететом упоминается «Aveggio che 'l gran comento feo».

В сущности, именно в творчестве Данте Средиземноморье являет свою привлекательнейшую особенность, которая демонстративно игнорировалась надменным западничеством. Средиземноморский опыт Данте опроверг евроцентрические теории до того, как они сформировались. Данте видел величие Рима в том, что Рим сочетал азиатскую, африканскую и европейскую кровь. Предшественником и проводником Данте и в этом остается Вергилий, чья четвертая эклога — многосмысленное исповедание средиземноморского миротворчества, со времен Лактанция не исчерпанное комментариями. Латинский эпос Петрарки тоже назывался «Африка». Лучшие умы античности и высокого Средневековья еще достаточно отчетливо сознавали весомость африканского вклада в свою духовную культуру. Средиземноморская культура Древнего Египта никогда не скрывала своих африканских истоков, и лишь близорукое высокомерие ко-

лонизаторов не замечало их. Наряду с египетской берберская культура волнует исследователя своими допотопными глубинами. Неожиданное подтверждение получают сумбурные, но гениальные интуиции Оскара Милоша, истолковывавшего Книгу Бытия и Апокалипсис через иберийско-пиренейские параллели. Иберийские видения Оскара Милоша вели через Пиренеи в Африку и на Кавказ. Русский читатель не может не вспомнить в этой связи Пушкина. Пушкин воспевал Испанию и Кавказ; он называл Африку «моей», имея при этом в виду отнюдь не только свое африканское происхождение.

В этом пункте мы затрагиваем животрепещущую и, следовательно, болезненную проблему. На протяжении тысячелетий идея Рима, Первого, Второго и Третьего, ассоциировалась в культурном сознании с империалистическими притязаниями той или иной державы. Владимир Соловьев развенчивал подобный «Рим» в своем стихотворении «Панмонголизм». Между тем, пора задаться вопросом, почему именно к Риму обращались вселенские чаянья разных народов и был ли Рим лишь историческим прецедентом мировой державы, сверхдержавы, как сказали бы сейчас.

Сокровенные данные духовной жизни убедительно свидетельствуют: именем и символом «Рим» традиционно обозначался средиземноморский комплекс, неразрывно связанный в народной душе с воспоминанием и мечтой о золотом веке. Тайнственная картина Пуссена «Аркадские пастухи», по количеству интерпретаций, вызванных ею, соперничающая с романами Кафки, являет нам трагическое преломление этой мечты. А в поэзии Вергилия мы находим доримские контуры средиземноморского комплекса, и в эти контуры вписывается Троянская война, первое

кровапролитное недоразумение среди других известных нам попыток силой присвоить себе то, что было и остается достоянием Духа. Точно так же Россия некогда претендовала на Босфор, Дарданеллы и Константинополь, военно-политическими средствами отстаивая свое средиземноморское первородство, за которое куда неопровержимее ручались митрополит Илларион, Чаадаев и Пушкин. Нынешний ближневосточный конфликт — также отголосок извращенных средиземноморских притязаний и вождлений. Кровь льется за исторические миражи. Соглашение неизбежно на истинной, неотчуждаемой почве, которую можно обрести, но нельзя завоевать.

Около двух тысячелетий назад в сфере Средиземноморья свершилось невозможное и неизбежное. Героический пантеизм античности соединился с жертвенным персоналом Ветхого и Нового Заветов. Из этого соединения возникли мировые религии, христианство и ислам. Речь, очевидно, шла не о конфессиональных тонкостях и хитросплетениях. Мировые религии определили сам способ человеческого существования на земле и в космосе. Они нашли уникальное соотношение между личным и общим в бытии. Даже секуляризованное безрелигиозное сознание числит новую эру с этого момента. Человек в мировых религиях обрел новый статус. Метафизические и чисто житейские перепетии этого статуса нами далеко еще не осмыслены.

Мировые религии санкционировали право, на котором до них основывались человеческие сообщества с тех пор, как они существуют. Если человек — образ и подобие Бога, — а именно в этом смысл мировых религий — неотъемлемым достоянием человека по определению являются жизнь, свобода, личная неприкосно-

венность, и посягательство на человека не только предосудительно, но кощунственно, как посягательство на Самого Бога. Средиземноморье некогда не забывало этого постулата. Оно осуществило его в своем искусстве и юридически закрепило в своей истории. Отсюда средиземноморский принцип суверенитета, вытекающий из обеих мировых религий и тенденциозно трактуемый впоследствии как феодальная раздробленность. Не случайно Георгий Федотов не представлял себе свободы без возвращения к более совершенных правовых демократических нормам к феодальным началам.

Средиземноморье впервые в истории установило, что без суверенитета не бывает федерации. Оно образовало первое в мире международное сообщество «от Кордовы до Киева», по слову Готфрида Бенна. Уже тогда четко обозначилось противостояние средиземноморского федерализма и нордического принципа «или — или». Фаустовский Север так и не нашел почвы для гармонического синтеза, сохранив непримиримую оппозицию между персонализмом и пантеизмом, причем персонализм опустился до стандартного индивидуализма, а пантеизм привел к мертвящему тоталитаризму.

Князь Кропоткин уже в девятнадцатом веке заметил резкое расхождение между федералистскими и централистскими тенденциями в рабочем движении: «Федералисты в силу своей истории и враждебные к мысли о централизованном государстве, обладая притом революционными традициями, рабочие латинских стран не могли последовать за эволюцией, происходившей у немцев». Дальнейшее развитие событий подтвердило: в условиях тоталитаризма, отвергающего общечеловеческое право, отдельная человеческая жизнь обеспе-

нивается бессмысленной агрессивностью вплоть до тяги к массовому самоубийству.

Однако право при всей своей ценности слишком формально для того, чтобы насытить смыслом человеческую жизнь. Средиземноморская традиция всегда знала, что этот голод утоляется не хлебом единым. Изумрудная скрижаль Гермеса Трисмегиста включала право в космическую иерархию простой, но неопровержимой формулой: «Внизу, как наверху». В этом квинтэссенция средиземноморского синтеза, перед которым не мог устоять и аналитический германский Север. Само понятие средиземноморской культуры сформулировано германским Севером. Гёте, Гельдерлин и Ницше заразили современное человечество своей тоской по средиземноморскому небу. Это небо неотделимо от моря и земли. Никому еще не удавалось разделить небо, и потому средиземноморское наследие неделимо. Оно все принадлежит каждому, кто к нему причастен, и по-

тому его хватало и хватит на всех.

Средиземноморская Академия в нынешних условиях могла бы исследовать спасительный феномен этой неделимости. Соотношение суверенитета и федерализма — проблема, в которой будущее человечества. Экологические проблемы тоже могут решаться лишь по принципу «внизу, как наверху»; окружающую среду очищает не разрушительное ожесточение, а созидательная любовь, *l'amor che move il sole e l'altre stelle* (Данте). Средиземноморская Академия сама должна подать пример суверенного федерализма. В нее должны входить не институты, а отдельные независимые исследователи. Академия будет простым свидетельством их сотрудничества. Местопребывание Средиземноморской Академии видится мне на восточном берегу Крыма, в древней Сугдее, то есть в Сурожье, по соседству с легендарным Коктебелем, где жил и работал гений русского Средиземноморья Максимилиан Волошин.

Михаил ГЕФТЕР:

В ПРЕДЧУВСТВИИ ПРОШЛОГО

РАЗГОВОР ПЕРВЫЙ

Этим текстом «Век» начинает публикацию книги диалогов с историком Михаилом Гефтером. Разговоры, которые легли в основу этой книги, велись не один год и возобновлялись в самые разные времена. Сильно различались их повод, обстановка и люди, о которых шла речь (в этой книге, по преимуществу, собраны сюжеты, связанные с 1987—90 годами). Удалось ли при этом сохранить цельность проблематики, интонации и точность хода мыслей М. Я. Гефтера, — целиком на совести автора записи и обработки текстов Глеба Павловского.

— Еще недавно спор о сталинском прошлом был политической сенсацией, а сенсации плосковаты. Мы говорили себе: ничего, накал страстей спадет — и в дело вступят историки. Сегодня Сталин уже «не новость», политический фронт сместился к другим сюжетам и лицам. Но прошлое стало ничьим. Ни историки, ни политики им, похоже, не озабочены. Из людей с запыленным прошлым мы превращаемся в народ забывших...

— Вообще говоря, историкам полезно привыкать к независимости, к тому, что список великих людей и злодеев не утверждается политическим руководством. А вот насколько полезно невежество политикам?...

Меня не удивляет, сколь мало те отягощены проблемой наследства: вся предшествующая традиция власти не приучала, а скорей отучала лидеров от того, чтобы процесс рассматривать с точки зрения генезиса, вводя в этот генезис все предшествующее. Слабость перестройки была в том, что она не знала своих ближайших предшественниц, своего пролога. В ней отсутствует анализ хрущевского поражения, из нее выпал грандиозный духовный опыт (всякий: и поднимавший, и опускавший людей) первой за 70 лет попытки граждан, оставаясь внутри системы и на почве ее, опосрять строй! Опыт диссидентства, как и опыт Хрущева, начи-

сто исчез для нас. Пробел памяти делает неполноценным предмет перестройки. Прошрое вне центра внимания, а между тем оно уже тут — оно дышит в затылок, насадет, страшит. И жажда расправы уже раскинула крылья, ищет себе повод, ищет персональных жертв...

Может быть, сейчас, по мере того, как нарастает проблемный кризис перестройки, и рамки жизни мучительно расширяются, втягивая новых участников и разные стороны человеческого общества, может быть, именно теперь происходит углубление генезиса, пока неприметное? Оказывается, наше прошлое еще не прошло, оно еще не позади... На наших глазах диахрония исторического прошлого России разверстывается в синхронию, и насущным для нас становится такое, о чем мы вчера и не задумывались: реформы Александра, Пётр, и даже смута!

— Мы не знали своей истории, не в этом ли дело? Не знали, а теперь узнаем.

— Ни один народ в мире не «знает своей истории». А вот стать политиком, не зная своей истории, в иных странах немислимо, зато у нас — очень просто. Не об это ли и расшибся Хрущев?

У хрущевской эскапады, кроме прочего, был очень слабый, короткий генезис: в лучшем случае Хрущев вел отсчет от своих революционно-коммунистических Двадцатых. Эта куца родословная кажется мне одним из слагаемых фиаско той «перестройки».

Я не придираюсь к слову «перестройка», тем более, что оно уже принадлежит истории. Но именно теперь опыт катастроф нельзя откладывать на будущее. Прошлое некогда больше откладывать! Если перестройка прагматически началась с того уровня, который приняло новое руко-

водство от прежнего, наивно было бы думать, что в самом процессе перестройки предмет и основание ее останутся теми же.

Их неизбежно взломало. Расширяется не только объем текущих задач, но и объем все более глубинных, включенных в генезис. И все эти горизонты не случайно представлены и сфокусированы в сталинском наследстве. Я бы сказал, что в наследстве Сталина все резче обозначается его опаснейшая черта и неизбежный итог: могущество за счет развития.

Развитие, как источник могущества, его раб — и его же первая жертва.

Узурпация не только внешних, но и внутренних собственных духовных источников развития, введение этих достижений в нивелирующее русло, оголяя и обедняя это развитие в духовном плане, вплоть до физического человекоуничтожения в невиданных размерах.

Результатом является мировая держава — такая, какой прежде не было. Сейчас нам пора становиться мировой державой для самих себя, поставив на первый план развитие, подчинив ему все инструменты, все институты могущества.

Вот нервный узел всех проблем. И всякая попытка перестраивать его вслепую сокрушит все и вся. Таково, если хотите, «завещание Хрущева».

— Вы имеете в виду угрозу того, что чаще всего называют «сталинизмом»?

— Нет. Дело не в живучести Сталина в «сталинистах», а в его живучести во мне, в вас, в нас всех, как в атомах отечества, ставшего мировой державой, — принимающих ее и реально существующих в ней. И тут-то важен генезис — Сталина и наш с вами. Как без генезиса диагностировать мир жизни миллионов людей, которым предстоит впервые за дол-

гие годы решать, как им быть? Что они перестраивают и во что?

Сегодня этого вопроса боятся все. И бывшие начальники и нынешние, и бывшие златоусты и нынешние властители мнений. Недаром на этом фоне опаснейшей разменной монетой стал Сталин — я бы сказал, «удобный» Сталин, превращенный в дежурное блюдо гласности.

— **Удобный Сталин?!**

— Да, адаптированный злодей, на которого можно было сослаться, которого легко было пнуть, чтобы не идти вглубь... Который настолько перестал что-либо значить, что мы полагаем, будто антисталинизм оградил нас от зла.

— **Сталин — злодей; сталинизм — империя зла. Разве плохо, что это мнение стало массовым, хотя бы в виде предрассудка?**

— И тем не менее там, за краем, в сердце, так сказать, зла и его империи, как выразился современный политик, оказался Хрущев. Это вас не удивляет? Хрущев в роли императора Зла!.. А если говорить совсем всерьез... Был такой немецкий писатель Ганс Фаллада, его роман — «Каждый умирает в одиночку» — произвел на нас в 50-е годы впечатление сильное и длительное. Он писал роман в Германии при Гитлере, прятал в тайнике и жил тихо, ни во что не вмешивался. Герой романа также живет один. Он пишет антинацистские листовки и бросает их в почтовые ящики. Он и погибает, как все, — в одиночку...

Это был образ, очень важный для нас: все, даже сопротивляясь, гибнут в одиночку среди непобедимого зла. При Сталине мы уже почти подошли к этому...

— **Подошли или пришли?**

— Все-таки людей не жгли, хотя, если вспомнить детали содеянного, моральной разницы нет — а сумма... Кто знает сумму?

— **Вы — историк, сумма — это ваша компетенция. Нам довольно простой оценки: это — принимаю, это — ненавижу...**

— Был в Риме знаменитый историк Тацит. Этому Тациту принадлежат знаменитые слова: «Sine ira et odio», иначе говоря — «без гнева и пристрастия». Историю, по Тациту, надо писать, не поддаваясь любви, не зная ненависти.

Тацит писал свою историю по живым следам событий. Он описывает время династии Флавиев в Риме, а пишет, когда с этой династией покончено, утвердился новая династия Антонинов, и всю идет тогдашняя перестройка. Новое руководство императора Траяна положило конец кровавым перетасовкам, ужасам и переворотам эпохи Флавиев. Траян говорит: «Прошлое не вернется, я этим путем не пойду», — и для всех, кто ему верит, легко проклинать мрачное прошлое, приветствуя лидера, решившего вступить на светлый путь. Всюду гласность, и лишь один Тацит мрачен.

Тацит отвергает такой подход к недавнему прошлому. В качестве мыслящего историка, историка, у которого философия истории есть размышления о конкретных событиях, он видит, что возврата к старым порядкам — добрым ли, злым ли — уже нет. Причины того, что случилось, причины крушения институтов римского полиса, ставшего Империей, столь глубоки, что их не свести к злодеяниям, ошибкам и коварству исторических деятелей, в руки которых попадали судьбы людей. (Вся эта коллизия замечательно описана Кнабе в биографии Тацита.)

Но, что еще важней, — ненависть к вчерашнему дню не только не помогает видеть эти причины, — она отводит глаза. Так же, как отводят глаза восхваления «прекрасных новых вре-

мен». Отказ от ненависти не означает равнодушия. Недавние события Тацит изображает, не жалея красок, не скупясь на осуждающие и клеймящие слова, не обеляя преступления и преступников. Однако причины глубже преступлений и преступников. Вот такой взгляд на вещи, такой страстный объективизм позволяет за поверхностью событий увидеть нечто более глубокое — невозможность простого возвращения к прежнему — исправленному и улучшенному прежнему. История преемственна именно потому, что она необратима!

Но отношение Тацита к прошлому — преступному, в этом он не ведает снисхождения! — все же этим не исчерпывается. В нем как историке и как в человеке сохраняется какая-то привязанность к тому, что сбилось с пути, осквернило себя злодеяниями и кровью. Ему дорого это — искалеченное, поруганное прошлое! Он видит на нем отблеск первоприсхождения этого римского полиса, его доблестей, его идеалов, — того, что позволило мужицкому, крестьянскому Риму подняться, основать гигантское государство и сыграть такую колоссальную, роковую роль в жизни других народов.

История, как видите, в полушаге от безумия. И я никому не навязываю такой раздвоенности. Но позвольте мне видеть в ней некую, и не только личную, ценность... Ибо нынешний обман прямолинейностью может породить среди нас новую генерацию идиотов.

— В ваших рассуждениях постоянно ошутим образ «оппонента» — притом, не ретрограда, не сталиниста... Кого? Ряд ваших читателей склонен подозревать, что имеются в виду именно они, те, кого называют «либералами»... Это, замечу вам, их страшно раздражает...

— Раздражает? Что ж, и это непло-

хо. Безумцам положено всех раздражать.

Разве не безумец — умирающий Булгаков, который, редактируя «Мастера», переделывал «сталинистский «Батум»! Между прочим, Булгаков написал «Мастера» в эпоху тогдашней перестройки, 1934—36 гг. Замечательно, как Елена Сергеевна Булгакова записывает в дневнике 31 декабря 1934 года (еще не остыл Киров!): какой удачный, счастливый год — дай нам еще Бог таких!

Откуда спасительная прелесть «Мастера и Маргариты»? Вчитайтесь, и вы поймете — этот роман нельзя было бы написать, укрываясь от власти. Он не мог быть написан в подполье, в сознании, что никогда не увидит его напечатанным! Когда Булгаков читал роман друзьям, и те поражались его смелости, он недоумевал: что здесь такого, что бы нельзя было напечатать? Только в этом сознании он и мог держать перо, безумец...

«Батум» — не плата за позволение дышать. «Батум» — другая сторона того же сознания. Именно потому в сохранившемся перечне названий пьесы о молодом Сталине — «Юность штурмана», «Штурман ведет корабль и т. д. — заканчивается каким? Как бы вы думали? — «Мастер»! Сталин в роли Мастера...

— А сегодня?

— Сегодня это сознание отсутствует... Такого безумного простодушия быть не может, а искусственно сконструировать его невозможно... Я, в некотором смысле, могу считать себя, ну, не наследником, а последним выдохом того сознания. Мне это не обидно: то было великое сознание...

У Лосева есть прекрасное выражение об идее: «порождающая модель». Я хотел бы сформулировать свою порождающую модель. Это гипотеза

альтернативы — другой жизни в пределах данного, без разрыва условий человеческого существования. Можем ли мы сделать себя миром в Мире? Вернуться из катастрофы домой? — История это категорически запрещает! История не знала таких фокусов.

Где другая жизнь — там ломка прежней. Где реформы — то в основе, прямо или косвенно, большая кровь. Сталин имел прямое отношение к альтернативе. Он ее воспреемник-убийца. А вот десталинизация к ней (как к своей проблеме) никак не пробьется.

Скандал? Да, здесь проблема Сталина доводится до скандала. Но изымите Сталина из культуры — и мы будем без Булгакова, без Платонова, без Мандельштама. Едва мы вычеркиваем Сталина как духовную проблему Тридцатых — а для упомянутых троих это главная проблема, — то и они сами уходят от нас. При таком взгляде на Сталина, как ныне, все это лишнее — Пилат, бал Сатаны, «Воронежские тетради»...

Сперва мы лишились только лишь тройцы, пускай великой тройцы. Но идя дальше, вы неизбежно плюете в лицо культуре, которая пыталась в горячке преодолеть Сталина, но расшиблась о масштаб проблемы. Вы плюете в лицо Шестидесятым годам — и благополучно превращаетесь в чернь... Вы поглядите, как носятся с нынешней требухой в зубах. С этим великим открытием, что Лысенко кормил коров бисквитами!..

— Разве потомки не вправе судить предков?

— Мы вправе, мы даже обязаны судить — зная, что вся проблема в том, что мы сами из того подсудимого мира. Мира, который — уйдя — существует, так как состоит из нас.

— Что это меняет?

— Мы рассматриваем тот мир, как

трагически несправляющийся с собственной тягой к альтернативе — и неспособный ее достроить. Он надрывно возводит нечто, но только достраивает, как обнаруживает, что воздвиг систему коллективного самоубийства.

Я совершенно обхожу функциональную сторону сталинизма. Я не берусь описывать, как он функционировал, к тому же это блестяще изучили на Западе. Мое дело — феноменология. «Только феномен, зато весь феномен», как говорил Тейяр...

Центральное в сталинизме — феномен Голгофы, проблема его субъекта. Субъект сталинизма — в некотором смысле жертва, в некотором — организатор убийц, в некотором — самоубийца... Его никак не определишь в юридических категориях. Это гениально определил Твардовский, предложив несколько версий отношения отца к высылаемым. Тот, с одной стороны, гордится, что его зачислили в кулаки, с другой стороны — они все же кулаки, а он трудяга, им абсолютно чужой... Легко гениальным поэтам! А как мне, историку, это выразить?

Но я обязан отстранить современные сказки: никакой десталинизации уже нет. Десталинизации как таковой нет — я бросаю вызов. Либо она входит внутрь трудностей, проблем, препятствий, задач нашего перепутья, либо она является данью ретроспекции — и спекуляцией на ретроспекции.

Сегодня становится общим местом писать о кошмарах сталинизма, но ведь это не вся правда. Да, нам бывало плохо, да еще как, но в качестве сомогущественников власти — нам было хорошо! «Братья и сестры» самого Сталина могли и победствовать, и помучиться за эту честь...

Это вывело особую породу людей, для которых вся жизнь в этом. Вы не

задумывались, почему совсем не кроважидный поэт так легко написал: «Мы за ценой не постоим»? — и фраза легко стала в его музыкальный строй? Это выпрыгнуло из Окуджавы, как из Хрущева в Америке: «Мы вас закопаем!» Так и было, так мы и жили. И молодец Астафьев сказал, что это была за Победа, чего она стоила нам. Люди, дееспособные именно в крайних, бесчеловечных ситуациях, восприимчивые к экстремальным, даже бесчеловечным задачам — сами не обязательно бесчеловечны. Мы не были гестаповцами! Нам не надо было быть гестаповцами, чтобы платить живыми за поставленные задачи.

Сталинский человек при власти был, с одной стороны, «только» исполнителем. С другой стороны, этот же человек в пределах разрешенного ему исполнительства был всемогущ! Это странное совмещение исполнительства со всемогуществом в установленных рамках создавало особый, ударный импульс жизни. Когда энергия этой двойственности стала ослабевать, она неизбежно перешла в простую мафиозность. Тут не было даже посредствующих звеньев.

Люди определенного типа, например, бывший президент Академии Александров, так и понимал любые задачи — хоть Сибирь, хоть космос, хоть компьютеризацию: навалимся на «главное направление» — и обгоним Запад!

А как при этом будут жить люди, и что они будут собой представлять в качестве людей — неважно, дело десятое...

— Вам не кажется, что человек, привыкший к таким задачам и такой жизни, сегодня чувствует себя дискомфортно, хотя от него не требуют больших напряжений и не грозят былыми карами?

— Я думаю, дискомфорт испытывает большинство старшего поколения. Молодые вне этого сознания. Мне рассказывали, как старик в Волгограде остановил школьника, непочтительно вопивших и дравшихся портфелями подле вучетического мемориала: шапки, — говорит, — надо снимать! А они ему: «Сами пустили немцев до Волги — сами и снимайте». И еще: «Когда уже вы все умрете?»

Нет, целые поколения должны сойти со сцены. И именно поэтому тон либеральной озлобленности совершенно недопустим в этих сюжетах! Он негуманен, нечеловечен, даже если эти люди политические противники, что далеко не всегда так. А возьмите это нарочитое печатанье стариковских глупых писем, разве это не грязный прием?

Чем эпатажнее и экстравагантнее современные витии, тем с большей четкостью выясняется, что у них то же самое проблемное поле, что у прогнившей догмы. То же самое! За грань его они выйти не умеют. А в ситуации семантической разрухи выход требует нового букваря.

Они не умеют. Нам трудно, Мы боимся осознать, что мы — люди. Мы рискуем признавать это лишь по отношению к тем, кого пытали в 1937 году, по отношению к солдатам, жертвам «дедовщины», по отношению к генетикам при Лысенко... Мы признаем людей людьми, когда они уже в беде, когда с них сорвана вся ролевая одежда... Но увидеть человека в повседневном человеке, разговаривать с ним по-человечески: о человеческом по-человечески, признавая за ним его роли, жизненную расстановку, его замыслы, — на это мы оказываемся неспособны.

Поэтому нам легче вступить во вражду к прошлому и отнестись к чему-то, где эта вражда уже не-

истовствует, чем установить отношения согласия между теми, для кого это существенно важно: между покупателем и продавцом, Горбачевым и народами...

С лицемерами, как с сумасшедшими, хуже всего, если ты не сознаешь себя больным. Если человек хотя бы мучается своим недугом, то надежда есть. А если не сознает... Впрочем, что можно сказать об интеллигенции страны, которая целый год наблюдала закавказскую драму с вялым полуинтересом-полубезразличием?

Есть вещи, которые теоретик, просто интеллектуал обязаны помнить и называть вслух. Например, я историк, но могу ли я понять, почему в 1937 году случилось то, что случилось? Я не нахожу в мировой истории ни одного случая, чтобы в момент наивысших успехов могущественной страны уничтожались миллионы абсолютно лояльных людей! Нет, не вместе с противниками и лояльные, — а только лояльные! Что это было? Значит, так может быть и еще раз?..

— Но сегодня является общим местом утверждение, что разоблачение сталинизма — «десталинизация» — лучшая гарантия неповторения прошлого.

— У меня большое желание высказаться по поводу метода избирательных разоблачений и его соответствия знакомой методике. В истории у нас теперь есть свои оперативники и следователи по особо важным делам.

Либо вы образуете настоящую комиссию из историков, юристов, социологов, которой будет предоставлена полная возможность ознакомиться со всеми архивами известного учреждения за такие-то годы (по примеру того, как было сделано в 1917, в такой комиссии участвовал Александр Блок), издаете отчеты о незаконных процессах, о преступлениях отдельных субъектов, лиц... Тогда это

— очищение. Общество очищается цивилизованным, общественным, серьезным образом.

Либо общество налагает полный запрет на избирательные разоблачения, да еще когда они идут от генералов того самого ведомства, сводящих то ли свои счета с кем-то, то ли ведомственные, скорее всего... Это уже фарс странного и дурного свойства. Почему их агентура вправе выдать то или иное лицо, пользуясь собственной дурной репутацией в собственных же скверных целях? И что это за метод для общества? Да еще имея в виду, что у каждого из ошеломленных есть потомки, семьи... Можно как угодно относиться к Лысенко, но сын Лысенко вправе задать вопрос: а кто подписывал экспертизу по делу Вавилова — ту самую, на которой Лысенко только поставил визу «согласен», — кто же ее подписывал?! Потому же, почему не публикуется состав экспертизы по делу врачей: надо назвать некоторых «уважаемых людей»...

Избирательный метод только укрепляет традицию избирательной расправы с удобным для этого врагом.

— Спишем издержки на «головокружение от успехов».

— Лет двадцать назад меня вез из Можинки какой-то профессор в области электротехники. В молодости, еще студентом, он работал осветителем в Колонном зале Дома союзов во время Шахтинского процесса. Процесс шел еще не так гладко, как следующие, сценарий несколько раз ломался. В перерыве рассказчик спустился вниз, а в двух шагах от него стояли Бухарин и Крыленко... Бухарин и говорит Крыленко: «Но ведь тут концы с концами не вяжутся!», а тот ему: «Николай Иванович, но ведь решено!..»

А я, скажу вам, тогда этому расска-

зу не поверил! И уже потом прочитал известную записку Каменева, периода борьбы Бухарина со Сталиным, его беседа с Бухариным. Это там Бухарин предупреждает: Сталин доведет нас до катастрофы, но если мы все не погибнем, он же, Сталин, окажется вызволителем! Бухарин сетует: как же с нами обращается Сталин? Мы, мол, голоснули за расстрел — по шахтинскому делу, — а Сталин в последний момент говорит: расстреливать не нужно, нужно приговорить к расстрелу — и отменить, помиловать. Пускай все рабочие знают, что вредители есть, заодно интеллигенты примут нужные темпы, пусть помнят об интервенции.

Они подали голос за расстрел, а Сталин им: не надо... «Гуманист»! Вот после чего прокурор Крыленко говорил Николаю Ивановичу: мы же договорились...

Если общество теперь хочет в этом разобраться, если оно хочет именно этого, а не чего-то совершенно иного, например, крови, — пусть создает комиссию, состав которой отражал бы его волю. А избирательные разоблачения, возмутительные по методике, по психологии я могу резюмировать двумя словами: убей его!..

Только в России идея отправить человека на тот свет может рассматриваться, как прием исторического расследования.

— Но можно ли потребовать от общества, чтобы оно поголовно превратилось в беспристрастных ценителей прошлого?

— Страна должна потребовать от интеллигенции ответа на вопрос: есть ли будущее у прошлого?

Без прошлого — будущего не бывает; а с таким прошлым — в будущее нам ход закрыт. Разве не это главная тема наших разговоров?

Нам надо найти способ отношения к собственному прошлому. А этот

способ таится в самом прошлом, в его понимании, и не лежит отдельно от него.

— От этого прошлого?

— А от какого же? Если, конечно, оно не исчерпывается сталинизмом. Это мы умудряемся (избирательно!) отталкивать целые материи человеческого опыта, превращая во вражеские козни все, что не является синонимично понятным и очевидно удобным.

Я думаю, что нам следует решиться перевести наши прения на язык реальных проблем. Надо начать разговаривать друг с другом, а не создавать видимость богатой духовной жизни бесконечными монологами, публикациями мертвых и полемикой поколения пятидесятилетних с Шеховцовым и Андреевой. Это царство мистификаций. Если есть способ выйти из катастрофы, он требует от всех разговора друг с другом.

Когда я приехал в Одессу после освобождения от оккупации в составе бригады комсомольского ЦК, я все спрашивал у одесситов: и как же вы жили? Ведь война, оккупанты... А они не понимали меня: ну, таскали некоторых в комендатуру, допрашивали, ну, убивали кого-то, — а другие все, большинство, — жили! Не просто «выжили», а жили, как и я. О чем спрашивать? Это ведь страшная штука, но ведь ее надо же объяснить.

Наша задача — осознать, что и у нас, у страны прошлого, — это была жизнь. Свобода слова нужна нам именно для этого: осознать жизнь, ту, которой больше жить нельзя.

— Для чего?

— Для того, чтобы начать решать более насущный вопрос: можно ли назвать жизнью то, как мы живем сегодня?

Жизнью, хотя бы в не меньшей степени, чем тогда?!

«Идея, во имя которой и смерть красна»

Абдурахман АВТОРХАНОВ — одна из значительных фигур российского интеллектуального зарубежья. Имя этого маститого советолога, выходца из Чечено-Ингушетии, если и упоминалось в нашей прессе, то до недавних пор — не иначе, как сквозь зубы (в свое время А. Авторханов был объявлен «врагом народа», приговорен заочно (приговор до сих пор не пересмотрен) к смертной казни). Времена изменились. Авторханова у нас уже читают, одна из его работ опубликована в «Огоньке», другая — в «Новом мире». Первое свое интервью советской печати он дал грозненской газете «Комсомольское племя» (31.05.90). Мы воспроизводим этот материал.

— Настало время говорить правду. И о Вас тоже. С чего бы Вы сами начали рассказ о своей нелегкой судьбе?

— Вы говорите о моей нелегкой судьбе, но нелегкая судьба была не у меня, а у нашего народа, половину которого уничтожили сталинско-бериевские палачи в холодном, голодном и тифозном Казахстане. Каким-то чудом остаток его спас Хрущев.

— Как начиналась Ваша жизнь историка и политика? Чего Вы успели достигнуть на этом пути?

— Политикой я начал интересоваться, или был втянут в политику, с четырнадцати лет, пройдя коммунистическое воспитание через все три поколения: был в юных пионерах, комсомоле, партии. Историей нашего народа интересовался раньше, чем получил историческое образование. На последнем курсе рабфака написал книжку «К основным вопросам исто-

рии Чечни» (1930 г.) и за год до поступления в Институт красной профессуры написал другую книгу — «Революция и контрреволюция в Чечне» (1933 г.). Я кончил ИКП в 1937 г. и в том же году был арестован как «враг народа». Так что в качестве профессионального советского историка я ничего не написал, ибо после пятилетнего сидения в подвалах НКВД в два приема я был выпущен только в 1942 г., а в январе 1943 г. эмигрировал. О моих успехах как историка в эмиграции судить не мне.

— Когда Вы почувствовали, что «ежедневные» рукавицы применяются и к Вам?

— После первого Московского процесса против старых большевиков во главе с основоположниками большевизма и соратниками Ленина Зиновьевым и Каменевым (август 1936 г.) каждый идейный, но критически мыслящий коммунист знал, что Сталин и его уголовная клика решили

не только политически, но и физически уничтожить всю идейную часть партии, независимо от того, были ли данные члены партии когда-нибудь и в какой-нибудь оппозиции. Я принадлежал к идейным фанатикам ленинизма. Поэтому и ожидал еженощно ареста с того времени. В силу этого свой арест встретил с полным пониманием (мотивов) товарища Сталина, а его чекисты в подвалах НКВД позаботились, чтобы выбить из меня всякие остатки иллюзий.

— **Находясь в подвалах тюрьмы НКВД, о чем Вы думали и какую работу писали?**

— Прочитав данный вопрос, я подумал, какие вы счастливы, мои молодые друзья, что вы не жили в то кошмарное время и поэтому допускаете, что тогдашние заключенные писали что-нибудь другое, «творческое», помимо бесконечных жалоб в Москву (которые наш следователь тут же бросал в сорную корзинку). О чем-нибудь другом, кроме как о пуле в затылок решением «тройки» в каждую предстоящую ночь, мы и не могли думать.

— **О чем были ваши размышления после освобождения из тюрьмы, когда «домом» Вам служила скамейка сквера республиканской библиотеки?**

— Как мне наиболее эффективно служить делу борьбы против сталинской тирании, безразлично внутри или вне страны, во время войны или после войны.

— **В настоящее время о Вас в Чечено-Ингушетии говорят много. И почти все сходятся на том, что Вы внесли немалый вклад в борьбу против сталинизма и в реабилитацию чеченцев и ингушей и других народов, которые были выселены в 40-е годы. Как Вы сами оцениваете эту деятельность? В чем она выражалась?**

— Как сын вайнахского¹ народа, я

сделал только то, что сделал бы любой из вас, находясь в условиях свободы, в каких находился я. Как историк Советской России и аналитик сталинской системы, я, может быть, сделал немножко больше, чем иные авторы из моей (волны) эмиграции. Однако не все, что хотелось сделать, ибо западные либеральные издатели считали меня крайним реакционером, критикующим сталинско-брежневскую «прогрессивную» систему с позиции человека, обиженного этой системой. Кроме того, я не был профессиональным автором. Надо было зарабатывать и хлеб насущный, и я пошел работать служащим в Американскую армию.

— **После Великой Отечественной войны многие изгнанники возвращались на Родину. Почему Вы не решились на такой шаг?**

— Вернулись «советские патриоты» из белой эмиграции, которых потом Сталин и Берия почти всех перестреляли. Из моей (волны) эмиграции вернулись только те, которых, согласно Ялтинскому соглашению, насильственно репатриировали западные союзники Сталина. Многих из них постигла та же участь, что и «советских патриотов», а миллионы, в том числе и советские военнопленные, которые всю войну сидели в немецких лагерях, прямым рейсом попали в советские концлагеря.

— **Есть ли какие-либо факты из Вашей жизни, которые Вам могут инкриминировать советские правоохранительные органы, в частности, КГБ?**

— Что мне инкриминируют КГБ и его литературные сотрудники? Судя по их писаниям в советской печати, это следующее: 1) что я, якобы, дезертировал из Советской Армии и перешел на сторону врага, — это ложь, ибо никогда я в армии не служил; 2) что я, якобы, служил в гестапо и в карательных частях СС и уби-

¹ Вайнах — самоназвание чеченцев и ингушей.

вал советских людей, — это тоже ложь, ибо таких людей в ФРГ и до сих пор судят и сурово наказывают (в предисловии ко второму изданию «Технологии власти» я сделал открытый вызов КГБ — пусть его дезинформаторы предъявят свои обвинения против меня через немецкий суд, чтобы я мог разоблачить клеветников, но КГБ не отозвался.) 3) еще в 1989 году шеф КГБ ЧИАССР утверждал, что я, якобы, готовил в какой-то немецкой зондеркоманде немецких шпионов из военнопленных кавказцев, чтобы заслать их в советский тыл и за это получил орден «Железный крест», такой, какой был у самого Гитлера. Сочинители этой запоздалой лжи удивили меня в двух отношениях: во-первых, своим информационным невежеством — ведь «Железный крест» «унтерменшам» не полагался и им никого из СССР не награждали, во-вторых, вы в своих вопросах ко мне заявляете: «Настало время говорить правду. И о вас тоже», и в то же самое время местный шеф КГБ пускает в ход новую ложь, какой я не слышал даже в эпоху Брежнева — Андропова; 4) меня обвиняли, что я был арестован «в 30-е годы и судим за контрреволюционную деятельность», — это утверждал председатель Президиума Верховного Совета ЧИАССР в газете «Советская Россия» от 13 июня 1970 г. Неправда. Обтекаемая формула «30-е годы» взята намеренно, чтобы ввести читателя в заблуждение. Я был арестован в октябре 1937 г. как «враг народа» и дважды судим, и оба раза оправдан: сначала Верховным судом ЧИАССР и потом Верховным судом РСФСР; 5) меня обвиняли, что я веду на Западе антисоветскую пропаганду и пишу антисоветские книги, — вот это правда, если КГБ считает сталинскую власть Советской властью.

Что же касается того, чем я был

занят в течение двух лет моего пребывания в Берлине, то я занимался тем, чем занимаюсь и сейчас, — исследованием истории Советской России и анализом преступлений сталинской политической системы. Главные результаты этих исследований потом и легли в основу моей первой книги на Западе, вышедшей сначала на французском под названием «Сталин у власти», а потом на других языках еще при жизни Сталина — в 1951 г. Годом раньше, в 1950 г., ее журнальный вариант вышел в тогдашнем еженедельнике «Посев». Эта книга чуть было не стоила мне моей жизни. Вот кратце об этой истории.

Сначала о самой книге «Сталин у власти». Вступление к этой книге служило для меня методологической канвой всех будущих моих исследований о Сталине и сталинщине, за что КГБ особенно зол на меня, хотя то, что я писал там, должно было звучать в ушах этого уникального учреждения как величайший комплимент. Вот оно: «Неправда, что в СССР «диктатура пролетариата». Даже больше. В СССР нет и Советской власти. Правда только то, что существующий режим называет себя «Советской властью» по традиции (...). Такое название лишь выгодно маскирует подлинную природу сталинского режима.

Нет в СССР и диктатуры коммунистической партии, с ее шестимиллионной членской массой. Правда только то, что сами большевики называют коммунистическую партию «авангардом трудящихся СССР», чтобы скрыть от народа лицо подлинного «авангарда». Неправда, что в СССР делят господство и власть партия и военная клика. Генералитет Советской армии является пленником своего политического опекуна — института политических работников. Но даже и эти, последние, являются

только посредниками, мостиком к подлинной силе, которая имеет свое собственное имя и свое собственное место в Советской Армии.

Неправда, что Политбюро ЦК ВКП(б) является всемогущей сверхсилой (...) Политбюро — хотя и яркая, но все-таки лишь одна тень той действительной сверхсилы, которая стоит за каждым креслом членов Политбюро. Сами члены Политбюро это знают точно, партия смутно догадывается, а народ апатичен к «высокой политике». Народ учат не думать. За всех думает, действует и диктует одна абсолютная сила. Имя этой силы — НКВД — МВД — МГБ. Сталинский режим держится не организацией Советов, не идеалами партии, не властью Политбюро, не личностью Сталина, а организацией и техникой советской политической полиции, в которой самому Сталину принадлежит роль первого полицейского.

Сказать, что НКВД есть государственная тайная полиция — это, значит, ничего не сказать по существу. Тайной полицией является и «Интеллидженс Сервис», но ее существование в глазах англичан так же естественно, как, скажем, естественно существование Министерства здравоохранения. Сказать, что НКВД есть орган массовой инквизиции, значит опять-таки, ничего не сказать по существу, ибо массовой инквизицией было и гестапо, хотя его шеф Гиммлер не годился бы и в сержанты Государственной безопасности. Сказать, что НКВД есть «государство в государстве», значит, умалить значение НКВД, ибо сама постановка вопроса допускает наличие двух сил: нормального государства и сверхнормального НКВД: в то время, как сила одна — универсальный чекизм. Чекизм государственный, чекизм партийный, чекизм коллективный, чекизм индивидуаль-

ный. Чекизм в идеологии, чекизм на практике. Чекизм сверху донизу. Чекизм от всемогущего Сталина до ничтожного сексота. («Посев», № 41 (228), 8 октября 1950 г., стр. 13—14).

Вот за эту книгу Сталин и Берия приговорили меня к смерти, а эвентуальный убийца — агент КГБ из ГДР, после двух неудачных попыток покушения, в свой третий приезд, в 1954 г., сдался добровольно американской разведке в Регенсбурге. Он дал показания, что, по словам его чекистского резидента в ГДР, я был послан в тыл немцев, чтобы шпионить в пользу советского правительства. Поэтому американцы взяли меня под домашний арест, и начались интенсивные допросы, чтобы проверить, не продолжаю ли я служить КГБ, будучи преподавателем Русского института Американской Армии. Поскольку в таких ситуациях у американцев судьбу человека решают не доносы, а факты, то я уцелел.

— **Ваше сотрудничество с радиостанциями «Свобода» и «Свободная Европа» было ли вынужденным из-за необходимости зарабатывать на жизнь или принципиальным по отношению к советской тоталитарной системе?**

— Я был в 1951 г. одним из организаторов радиостанции «Свобода» (тогда она называлась «Освобождение»). Часто выступал комментатором по вопросам внутренней и внешней политики СССР. Однако в заработках от «Свободы» я не нуждался, так как работал профессором и председателем Академического Совета Русского института Американской армии.

— **Повлияла ли на Вас европейская культура как на историка и политолога?**

— Да, повлияла. У американцев я учился фактологии, у немцев научной педантичности, у французов и англичан — веротерпимости и толерантно-

сти, у всех понемножку, но, к сожалению, не во всем успешно.

— **К какой политической партии Вы отнесли бы себя по идейным убеждениям?**

— В старой России мне импонировала бы «Партия народной свободы» (кадеты), а на свободной родине — партия Кавказской конфедерации с перспективой превращения со временем в федерацию.

— **Как сложилась Ваша личная жизнь вдали от Отчизны?**

— Нормально.

— **Если представилась бы возможность, то приехали бы Вы в Чечено-Ингушетию? И есть ли на свете место, где Вам бы хотелось побывать?**

— Возможность посещения Чечено-Ингушетии не представится, пока в моем досье в КГБ лежит названный выше смертный приговор против меня.

— **23 февраля сего года на центральной площади города Грозного прошел «тезет»* народов Чечено-Ингушетии, посвященный жертвам сталинизма. Если бы Вам пришлось выступить там, о чем были бы Ваши слова скорби?**

— На этом «тезете» я молил бы Бога уберечь в дальнейшем мой многострадальный Вайнах от таких чудовищ, как Сталин и Берия, и от такой смертоносной банды, как их НКВД.

— **Ваше отношение к процессам, происходящим в Советском Союзе? И Ваш прогноз о будущем нашей страны?**

— Я верю, что Горбачев, хочет видеть свой народ счастливым и процветающим, но я не верю в его «гуманный, демократический социализм», ибо «демократический социализм» Плеханова и Мартова гакая же утопия, как и «революционный социализм» Ленина и Сталина. То, что за-

падные социал-демократы, социалисты, лейбористы практикуют как «социализм», когда они приходят к власти, — это тоже не социализм в русском понятии, а социальная справедливость и социальная защищенность членов общества и справедливое распределение между ними национального дохода, не формация Маркса, а движение Бернштейна.

— **Мнения каких советских историков для Вас авторитетны? А каких — нет?**

— В СССР нет историков, ибо нет самой исторической науки, были и есть много талантливых, даже выдающихся авторов, которые пишут на исторические темы. Если гласность станет законом о свободе устного и печатного слова с конституционной гарантией его соблюдения, то в СССР возродится и историческая наука, ликвидированная в 1917 году.

— **Что Вы вкладываете в понятие «честно прожитая жизнь»?**

— Только тот человек может сказать, что он честно прожил жизнь, который в гражданском обществе сел добро и боролся со злом, в научной сфере не шел против своей совести, в общественной деятельности ради служебной карьеры не делал подлостей.

— **Что труднее и важнее — погибнуть от рук темных сил за свои идеи или уйти в изгнание и оттуда, как герценовский «Колокол», нести правду соотечественникам и всему миру?**

— Единственная идея, во имя которой и смерть красна, — это идея борьбы с деспотизмом на родине или в изгнании. Таким был и Герцен. Люди, которые выдавали себя за его наследников, боролись против царского деспотизма, чтобы увековечить в России деспотизм революционный, перешедший в эпоху сталинщины во всеобщую инквизицию.

— **О чем мы у Вас не спросили, а**

* Митинг скорби

Вы хотели бы рассказать?

— Идя навстречу такому желанию хочу высказаться еще по трем вопросам, которые прямо относятся к теме: 1) о материальной компенсации жертв геноцида; 2) о межнациональных отношениях на Кавказе; 3) о том, почему местный КГБ против собственной воли выпустил меня на волю.

О материальной компенсации. Что жертвы сталинского геноцида морально и юридически реабилитированы, — это торжество справедливости (хотя все еще не восстановлены автономии крымских татар, немцев, а месхам вообще не разрешают вернуться на их исконную родину — в Грузию). Однако это еще не полная справедливость. В понятие юридической реабилитации входит и материальное возмещение пострадавшим и наследникам погибших. Так поступили американцы со своими гражданами японского происхождения, которые были интернированы во время войны, и правительство ФРГ в отношении евреев. Я призываю Президента Горбачева и Верховный Совет СССР принять специальный закон о возмещении материального ущерба жертвам геноцида. Чтобы справедливость восторжествовала полностью, надо привлечь к судебной ответственности еще живущих карателей из войск НКВД.

Теперь о межнациональных отношениях на Кавказе. Кавказцы должны понять, что, воюя между собой, они никогда не будут ни свободными, ни независимыми. Такой регион заслуживает в глазах внешнего мира не свободы, а перманентной оккупации со стороны сильного государства и его вооруженных сил. Это также касается и споров между ингушами и осетинами из-за ингушских земель, на которые Сталин заселил осетин. Я обращаюсь к интеллигенции Осетии и

Ингушетии, а также к нашим старикам — моим сверстникам — найдите братский компромисс, отгоните ложную гордость у молодых, умерьте их кавказский темперамент, призывайте всех к благоразумию и рассудительности!

Узнал я также, что ингуши хотят выйти из состава ЧИАССР и восстановить свою автономию. Я, конечно, от такого их желания не в восторге, ведь все-таки мы Вайнах. Наоборот, я бы рекомендовал всем северокавказским автономиям соединиться в одну союзную северокавказскую республику, которая у нас уже существовала под названием Горская республика, пока Сталин не приступил к политике «разделяй и властвуй». Сталин умер, но сталинская мафия верна его заветам, провоцируя межнациональные войны, особенно у нас, на Кавказе. Однако если ингуши и дальше будут настаивать на своем отделении от чеченцев, то я просил бы чеченцев понять их мотивы и считаться с их волей.

Нашу многоликую родину, где к скале был прикован титан Свободы легендарный Прометей, эллины называли «Кавказом» (что по-древнегречески означало, по толкованию одного западного исследователя, «Трон богов»), — за живописность его природы, за гордость и свободолюбие его народов, за их гостеприимство и доброту. Будем верны этому нашему историческому прошлому. Что касается самих северокавказцев, несмотря на наше многоязычие, но ввиду нашей исторической, социально-культурной и геополитической общности во внешнем мире нам дали обобщенно одно национальное имя — русские нас называли «горцами Кавказа», а на Западе — «черкесами». Мы никогда не знали расовой дискриминации, религиозных трений. Поэтому нас, горцев, называли «послед-

ними рыцарями Кавказа». Мы должны быть верными и этой нашей традиции и жить в мире между собой.

Как меня судили и освободили. Когда в ежовщину Москва преподнесла Чечено-Ингушскому НКВД точный количественный план ареста людей, словно речь идет о плане заготовки скота, а Грозный, в свою очередь, разверстал этот план по районам, то иные оперуполномоченные, вызванные на совещание НКВД в Грозный, жаловались, что у них нет материалов для таких массовых арестов. Тогда начальник (НКВД) г. Гудермеса Геридасов нашелся, как просветить своих коллег: «Материал всегда найдется, лишь бы на человеке была кавказская шапка!» Но меня не спасла и моя русская кепка. Я прибыл в Грозный из Москвы 10 октября 1937 г. и, как мне казалось, с гарантией не быть арестованным, ибо в моем кармане лежала путевка ЦК партии, подписанная членом Политбюро, секретарем ЦК Андреевым и завкультпропом ЦК Стецким, в которой говорилось, что я направляюсь в республику согласно постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б) от 28 августа 1937 г. Я еще не вручил путевки ЦК обкому, как в тот же день НКВД меня арестовал. Судили меня дважды — в 1939 г. меня судил, вместе с группой чечено-ингушской интеллигенции, председатель Верховного суда ЧИАССР, русский рабочий, выдвиженец с завода «Молот» (фамилию забыл). Он нас всех оправдал и тут же освободил из-под стражи. За это его сняли с работы, а четырех из нашей группы — меня, Мамакаева, Яндарова и Мациева — вновь арестовали. Второй раз меня одного судил (других судили через Особое совещание) новый предсе-

датель Верховного суда дагестанец З. Мусаев. Он осудил меня за «идеологическое вредительство» в названных выше книгах к трем годам заключения, но так как я уже отсидел четыре года, то суд вынес решение «немедленно освободить Авторханова из-под стражи». Меня не освободили, а Мусаева сняли с должности председателя Верховного суда. НКВД опротестовал приговор по моему делу перед Верховным судом РСФСР. Позже я узнал и подлинную причину снятия Мусаева. Мусаев присокупил к приговору свое частное мнение, в котором писал, что он осудил меня к трем годам против своей судейской совести под давлением местной власти, хотя уверен в моей невиновности. Поэтому он просил Верховный суд РСФСР отменить его несправедливый приговор и полностью оправдать Авторханова. Верховный суд РСФСР так и поступил. Он отклонил протест НКВД ЧИАССР, отменил обвинительный приговор и предложил освободить меня из тюрьмы. Освободили меня через семь месяцев, в конце апреля 1942 г., и то при условии, что я, получив обратно свой партбилет, стану информатором НКВД во внутрипартийных делах в республике. Я предпочел информировать мир и страну о злодеяниях самого НКВД и его вероучителя Сталина. Ошибочным такое мое решение могут считать люди, которые убеждены, что Сталин всего лишь «деформатор» социализма, а не глобальный уголовник номер один во всей писаной истории человечества.

**Интервью провел
Висхан ДАВЛЕТУКАЕВ.
Мюнхен — Грозный,
апрель, 1990 год.**

БЕЗЪЯЗЫКАЯ ГЛАСНОСТЬ

Григорий КУЛЬЧИНСКИЙ

Родимые пятна, родинки, столь милые иногда любящему сердцу, играют, как утверждают медики, двойную роль. Накапливая меланин, они спасают организм от смертельной опасности. Но они же и — центры этой опасности. Бывает, скovyрнет человек нечаянно родинку и включит механизм собственной гибели. Раковые клетки, лишённые центра локализации, разносятся по всему организму. Живые ткани метастазируются. А то вдруг родимое пятно само начинает болеть, распухать, кровоточить... Меланома.

Духовный опыт аккумулируется в языке. И опыт этот может быть разным, в том числе и злокачественным, — он тоже хранится и накапливается в языке. Такие сгустки зла, «родимые пятна», могут стать привычными от повседневности и повсеместности стереотипами, шаблонами осмысления действительности, легко узнаваемыми чертами уютного дома души. Живет себе человек, целое общество в понятном мире, уму и душе удобно, нигде не жмет и не больно.

Но не приведи Бог скovyрнуть такую «родинку», добраться до буквального смысла таких расхожих стереотипов! Или от сотрясений и перегрева общественного организма зна-

чения и смыслы некоторых родимых слов начинают распухать, изъязвляться... Весь знакомый, привычный, удобно понятный мир расплзается на глазах, превращаясь в омертвелую ткань, отравляющую своими соками живое. Казавшийся крепким и уютным дом души разваливается, рушатся склепы осмыслений совместной жизни, и человек остается беззащитным.

Меланома понимания — то, что переживает сейчас наше общество: все, чего оно ни коснется, превращается в собственную противоположность. Демократия — в игру самозванческих амбиций, кооперативы — в усиление монополизации и мощный механизм инфляции, акции — в форму изъятия средств у граждан, аренда — в средство закабаления, правовое государство — в гонку законотворчества на все случаи жизни.

В нынешних дискуссиях предлагается множество — иногда взаимоисключающих — диагнозов болезни и программ-курсов лечения: от обличений заговора до упований на экономическое решение всех проблем. Но диагнозы ставятся без знания реального больного и носят подозрительно непререкаемый характер.

Между тем, из тумана неназванно-го все более отчетливо проступает не просто стена, в которую упираются силы перестройки, а нечто агрессивное, более того — обнаруживаемое в самих радикальных перестроечных силах. Дух на то и дух, чтобы быть вездесущим.

Что это? Нечто чужеродное, искусственно, силой насаждавшееся? Или речь идет о духовном вирусе — чужеродном образовании, попавшем, однако, в благоприятную среду, переродившую ее по своему образу и подобию, нарушив ранее живые связи и омертвив ткани ранее живого организма? Или он сам культивирован этой средой, являясь квинтэссенцией специфического миропонимания?

ЯЗЫК ИСТЕРИКИ

Речь идет о языке — «великом и могучем», как велик и могуч российский духовный опыт. Этот язык действительно уникален и резко выделен среди любых других языков. Прежде всего — тем, что свыше 40 процентов его лексики носит оценочный характер! (В любом другом языке оценочная окрашенность его словарного запаса не превышает 15 процентов). Этот факт хорошо известен лингвистам и культурологам, но не привлекал, как с сожалением представляется, достойного его внимания.

На русском языке практически невозможно выразиться точно, объективно, терминованно: сразу же погружаешься в стихию оценок, эмоций, страстей. Поэтому, когда надо выразиться безоценочно, приходится сплошь и рядом заимствовать иностранную лексику. Нам явно мало «руководителя», «начальника», «заведующего», «директора», «администратора», «управленца» и т.д. (мы знаем, что это такое — ничего хорошего), и теперь подавай нам компе-

тентного «менеджера», который квалифицированно и грамотно (объективно!) будет заниматься «маркетингом», «промоушеном», «лизингом» и т.п. И вот уже этот «менеджер» приобретает оценочный окрас. Русский язык — стихия столкновения позиций, игры амбиций и страстей, самовыражения и самоутверждения. Он глубоко лично интонирован — само собой в речи, но прежде всего — самой лексикой.

Это язык художественной, но не научной литературы. Поэтому наша художественная литература полна личностных неологизмов, оценочно адаптированных говоров, а научная — заимствований терминологии. Этот язык дал великую художественную литературу, отразившую и выразившую нравственные искания и борения высшего накала страстей. Но этот язык не ориентирован на объективную истину. Точнее, он ориентирован на поиски и выражение **правды**, но не **истины**, на идеал и соответствие идеалу, но не реальности.

Хорошо известны и трудности перевода на русский временных форм английских глаголов. Богатство и развитость этих форм чрезвычайные — по сравнению с российским арсеналом аналогичных языковых средств. Англичанин стремится к точности, определенности временных параметров жизнедеятельности, русский же знает или «миг между прошлым и будущим» или застывшую вечность прошлого и метафизическую беспредельность будущего. И в том, и в другом случае точность ни к чему. В русском имеется лишь 2000 лексических единиц (слов) для выражения индивидуальных черт личности. Для сравнения — в немецком таких слов — 4000, в английском — 17000. Индивидуальность, неповторимость другого человека — явно не предмет повышенного интереса в этом коллек-

тивистском вонне и внутренне самозванческом опыте.

Язык, разумеется, лишь выражает этот духовный опыт, но он же, будучи инструментом выражения, и определяет, задает этот опыт. И когда реальная жизнь требует новых мыслей и поступков, проявляется неоднозначная роль языка. Если мы имеем дело с целыми яблоками, достаточен будет язык натуральных — целых положительных чисел. Но как только возникает ситуация с половинками и дольками яблок, язык натуральных чисел ведет к парадоксам, противоречиям, «сползает» с реальности, освобождая место новому, более точному языку, использующему дроби. Тот же, кто будет упрямо пользоваться только целыми числами, обрекает себя на тупики мысли и истерические проклятья в адрес ускользающей реальности.

ИМЕТЬ ИЛИ ИМЕНОВАТЬ?

Всему разумному человечеству — в совокупности и в отдельности — давно известны только два вида собственности — долевая (частная) и неделимая (например, на взносы). Все остальное от лукавого. Но целый Съезд народных депутатов СССР всерьез и с превеликим пафосом вел дискуссии о названии. Спор шел вокруг оценочно приемлемого слова, а не о существовании дела.

«Частная собственность» (а заодно и просто собственность) — плохо. Потому как эксплуатация. Но если снять коросту, пену, чугунную плиту первого слоя «общественной собственности» на уровне владения — общая, значит ничья, дойти до уровня распоряжения, как откроется пестрый, кипучий, бурлящий мир интересов начальников, начальничков и

прочих «ответственных работников», своей волей распоряжающихся подвластной — не своей (своей!) — собственностью. А если спуститься до уровня использования, то какие открываются возможности «рядовых» граждан, «трудящихся», привычно пользующихся своими (ведь не общими же!?) средствами и продуктами труда. Вот так общественная собственность! Еще как чья!

И эксплуатации ведь у нас нет. Эксплуатация — это когда присваивается прибавочный продукт. А тут присваивается, отчуждается от человека и основной продукт. Речь идет об элементарном присвоении результатов чужого труда. В любом юридическом справочнике именно так определяются деяния в широком спектре, от воровства до разбоя.

Но инерция борьбы с эксплуатацией, частником несет дальше. Ее пафос выражается законодательно — в борьбе с «нетрудовыми доходами». И нужно очень резко затормозить, чтобы осознать бессмысленность, если не полный идиотизм этого словосочетания. «Нетрудовой доход» — это все равно что «круглый квадрат» или «железная деревяшка». Доход не бывает трудовым или не трудовым: он может быть законным или незаконным. Что такое наследство, клад, подарок, доход с патента? Ведь не трудился, не вспотел, а доход есть! А вот я потею, тружусь всю жизнь и дохода никакого...

Труд никак не связывается с доходами на Руси. Труд есть нечто подневольное, вынужденное, рабское. Какой тут доход! Доход — что-то туманное, далекое, сомнительное, не про нас, не наше. Наше — не доход, а доходяга. От труда можно только «дойти». А достаток либо от того, что смог «достать» что-то или даже кого-то, либо от барских или царских щедрот — «дача». И ведь до сих пор

убогие бидонвили, слепленные из уворованно использованных-присвоенных материалов «трудящимися» на милостиво выделенных им властями неудобьях, называются **дачами**. Зато торгово-закупочная деятельность, когда не потеют, а доход имеют — нечто непонятное, не наше, подозрительное. Недаром в русских былинах одни богатыри, но практически нет ни одного ткача, кузнеца, ремесленника, а единственный крестьянин — Микула Селянинович — появляется только в связи с тем, что на него наезжает очередной княжеский рэкетир и пытается отнять неподъемное — землю.

Никак России вот уже полтора века не пролезть сквозь угольное ушко первоначального накопления: никак не пройти через изначальную узкость. Надо, если только всем миром. Как это ему будет лучше, чем мне?! Почему?! За что?! А я?!

До сих пор униженное сознание «бессобственников» апеллирует к «справедливому» переделу, рвется к «правде», хочет знать «подлинную» правду, всю подноготную. Больше просто на ум не приходит. А лексика, язык выдают застрявший кошмар исторического опыта. «Подноготная» — это ведь когда иголки под ногти. А «подлинная правда», это ведь правда, взятая под линем, под поркой. Орудие пытки так и называлось — линник. Под линником и добывалась на Руси подлинная правда...

* * *

Глаза отказываются вглядываться в собственное прошлое. А язык про-

должает заклинать его, вызывая тени и призраки. «Октябрьская революция — плод жидо-масонского заговора, но мы не можем поступиться ее идеалами» — сущность истерико-невротической позиции русских национал-социалистов, заклинающих реальность вязью бессмысленных словосочетаний. «Прогностическая педагогическая модель организационно-воспитательного воздействия культурно-просветительного учреждения на неинституционализованные молодежные объединения», «когнитивная модель парадигматической структуры рекреативной бифуркации микрокосмоса личности» — это уже заклания деморализованных функционеров «культпросветработы». Разница только в том, что национал-социалисты пользуются привычно оценочной лексикой, а «специалисты» привычно вяжут паутину из красивых заграничных терминов. Ни то, ни другое к реальному существу дела отношения не имеет.

Наш диагноз — **меланома понимания**. История болезни, ее носители, переносчики и т.п. — тема другого разговора, непростого, трудного, но необходимого. А лечение...

Меланома практически неизлечима — невозможно локализовать злокачественные образования. Так и с меланомой понимания — клетки старых смыслов, старого духовного опыта должны распасться, освобождая ткань заново осмысленной действительности.

г. Ленинград

Оппозиция — тоже власть

Сегодня, когда отменена 6-я статья Конституции СССР, на повестке дня стоит вопрос о власти. Демократические силы должны устранить от власти партаппарат и составить новое правительство — так, если не заявляют, то подразумевают многие. Не будем сейчас гадать о том, какие организованные силы могли бы стать опорой такого правительства — реформаторы в КПСС, народные фронты или вновь создаваемые партии. Подумаем: а зачем нужно брать власть и надо ли ее брать?

Плохо или нет, но в народе сложилась психология ожидания благ свыше. «Правительство сделает...» Партократия не дает и не может дать. Дадут ли демократы? Вспомним март 17-го. Долго ли длилась всеобщая эйфория? И так ли уж неправы были те, кто призывал тогда не свергать Временное правительство, а давить на него, подталкивать влево, не давая уклониться от насущных требований масс? Вспомним, кто это был, — Лев Каменев, Иосиф Сталин... Такова ирония истории.

Итак, взяв власть, придется оплачивать векселя нетерпения в условиях продолжающегося распада экономики. Убрав верховную власть, разрушив ее механизмы на местах, подорвав авторитет законности и порядка (пусть весьма несовершенных) — что мы создадим? Войну всех против всех под лозунгом «Грабь награбленное»? Тогда демократов 90-го года постигнет участь социалистов 17-го.

Не будем же поддаваться искушению брать власть, тешить себя иллюзиями, что мы знаем лучше, чем

«они». Надо ответить во всеуслышание: «Мы не хотим брать власть, мы не можем себе этого позволить. Вы довели страну до кризиса — вам ее и выводить из него. Действуйте, употребляйте власть! Не позволим вам только одного — ничего не делать или, что то же самое, действовать бесконтрольно».

Многого ли стоит такое давление на правительство, спросит кто-то. В условиях, когда тотальная власть дает трещины, когда расширяется степень свободы, — очень многое. Сегодня уже нельзя править бесшабашно, игнорируя мнение народа. Оппозиция может и должна заставить правительство стать умнее, компетентнее, добросовестнее. Поменять непригодных членов кабинета на других, в том числе и из рядов оппозиции — не будем пугаться жупела мильеранизма. Используя свои рычаги влияния на местное начальство, заставить его шевелиться. Дать свободу общественной инициативе в экономике, социальной деятельности, сфере образования.

Таков, по-моему, должен быть общенациональный консенсус, по принципу: оппозиция — тоже часть власти. Надо уйти от дихотомического мышления — или ты у власти, или намерен свергнуть ее. Оставим сталинистам жутковатую шутку Бухарина о двух партиях — у власти и в тюрьме. Будем людьми, способными учиться на историческом опыте.

**Георгий КУЗНЕЦОВ, рабочий,
г. Альметьевск.**

**ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■ ■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ LE XX^È SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

